

25 NOVEMBRE 1937

LES COSAQUES LIBRES

Xe Année

25 НОЯБРЯ 1937 г.

233

25 ЛИСТОПАДА 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

РІК ВІДАННЯ 10-ий

Содержание:

1. Уральские казаки и каспийский «белый» флот.
2. **Иван Главнев:** Из недавнего прошлого.
3. **Еф. Якименко:** Последняя страница.
4. **А. Ленинов:** Участие донских казаков в Куликовской битве.
5. **Гавриил Павлов:** Рассказы старого дедушки молодым внукам.
6. ВК торжества в Лионѣ 9 и 10 октября.
7. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Воло. Е. Л. Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Харбин. И. К. Ваши письма не получались. Журнал посылается Вам исправно. Привет.

Румыния. И. К. Получено. Привет.

Нью-Йорк. Ф. П. Будет напечатано. Привет.

Лемпти. И. И. Спасибо. Привет.

Кнютанж. К. С. Перевод получен. Спасибо. Привет.

Белград. Г. К. Письмо получено. Привет.

Дампьер. Т. Л. Спасибо. Привет.

Белград. А. Ч. Журнал посылается. Привет.

Владимир-Вол. Г. О. Спасибо. Привет.

Чехословакия. Т. Т. 2-ой номер «К. Г.» читали. Кто такой «Лазаренков» — не знаем. Такого в составе ВК никогда не было. Если это живой человек, тогда это уж очень наглый самозванец, приписывающий себе какую то роль в ВК движении. Если это псевдоним, что вероятнее, под этим именем скрывается какая то современная «унтер-офицерская вдова», производящая над собою экзекуцию «под псевдонимом». Очевидно, пороть себя в открытую стыдно.

Пока к тому, что сказано по поводу нового

Балиновского «предприятия» в прошлом номере журнала, не прибавим ничего. А дальше — видно будет. Посмотрим. Думаем, во всяком случае, что борьба Балиновской компании против ВК программы будет иметь не больший успех, чем борьба их «против Билого». Тем более, что борьба против программы труднее — одной ручки недостаточно. — Привет.

РОЗЫСК.

Розыскиваю Георгия Никифоровича **Самохина** (ст. Ханской). Прошу откликнуться вообще всех, кто меня знает — сослуживцев и знакомых — по Лемносу, по пограничной службе в Югославии, по Болгарии.

Всех братьев казаков — донцов, кубанцев, терцев, астраханцев, уральцев и оренбуржцев, особенно прошу откликнуться оренб. казака **Г. А. Садчикова** или **В. Г. Садчикова**.

Тихон Г. Лобанов. Адрес мой:

Meur Lobanoff, Vielle route de Beaucourt, Dampierre-les-Bois, (Doubs), France.

Ко всем казакам

В ДЕКАБРЕ-ЯНВАРЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, КАК НАЧАЛАСЬ ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА КАЗАЧЕСТВА С НАШЕСТВИЕМ РУССКИХ КОММУНИСТОВ И БОЛЬШЕВИКОВ НА КАЗАЧЬИ ЗЕМЛИ. ДАТА ЭТА СТОИТ ТОГО, ЧТОБЫ КАЗАКИ САМИ ОТМЕТИЛИ ЕЕ НАДЛЕЖАЩИМ ОБРАЗОМ, А НЕ КАК «ПРИДАТОК» К РУССКОМУ «БЕЛОМУ ДЕЛУ», КАК ЭТО ДЕЛАЮТ В ПАРИЖЕ НЕКОТОРЫЕ «РУССКИЕ КАЗАКИ».

ТЕ КАЗАЧЬИ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ ПРИЗНАЮТ ДЛЯ СЕБЯ ВОЗМОЖНЫМ И НЕОБХОДИМЫМ ОТМЕТИТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО И ПО-КАЗАЧЬИ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ КАЗАЧЬЕЙ БОРЬБЫ, КТО СЧИТАЕТ, ЧТО КАЗАКАМ СЛЕДУЕТ ВСПОМНИТЬ КАЗАКОВ, ПАВШИХ ЗА КАЗАЧЬЕ ДЕЛО, ВСПОМНИТЬ И ЖИВЫХ БОЙЦОВ, ТАМ И ЗДЕСЬ СУЩИХ, И ПРОИЗВЕСТИ КАЗАЧЬЮ ОЦЕНКУ КАЗАЧЬЕЙ БОРЬБЫ, —

ТЕ ПУСТЬ СООБЩАТ РЕДАКЦИИ «ВК» О СВОЕМ ЖЕЛАНИИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В УСТРОЙСТВЕ СПЕЦИАЛЬНОГО КАЗАЧЬЕГО «ЮБИЛЕЙНОГО» ДНЯ.

ПЕЧАТАЕТСЯ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
IV-ой ЧАСТИ

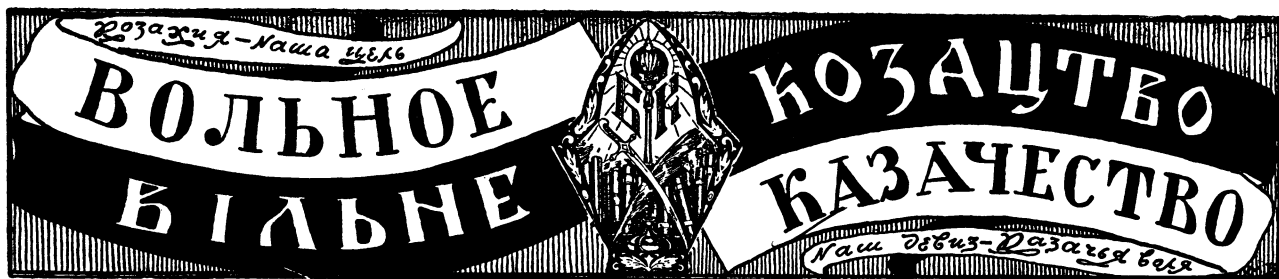
„Трагедии Казачества“

Предполагаемая цена: во Франции: 25 фр. За границу: 1 ам. долл.

В следующем номере журнала начнется печатание У-ой части
«Трагедия Казачества» — казаки в Крыму.

Увеличение подписной платы

ВВИДУ БОЛЬШОГО ВЗДОРОЖАНИЯ СТОИМОСТИ ТИПОГРАФСКИХ РАБОТ, МЫ ВЫНУЖДЕНЫ УВЕЛИЧИТЬ ХОТЯ НЕМНОГО И РАЗМЕР ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА НАШ ЖУРНАЛ ВО ФРАНЦИИ, А ИМЕННО — ВМЕСТО 80 ФРАНКОВ — 100 ФРАНКОВ В ГОД И 50 ФРАНКОВ НА ПОЛ ГОДА.

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Бильй

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 233

Четверг 25 ноября 1937. — Четверг 25 листопада 1937.

№ 233

УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ И КАСПИЙСКИЙ „БЕЛЫЙ“ ФЛОТ

(ЯИЦКИЙ «НОВОРОССИЙСКИЙ»).

Из журнала «ВК» и печатающейся в нем «Трагедии Казачества» казаки хорошо знают о прошлых отношениях между Казачеством и ген. Деникиным и вообще руководителями русского «белого дела» «на Юге». Из книги ген. Акулинина (см. прошлый номер «ВК») мы узнали немного о взаимоотношениях между Оренбургским Войском и вождями «белого дела» в Сибири. Войско Яицкое (Уральское) от Деникина было далеко. О его взаимоотношениях с Комитетом Учредительного Собрания и адмиралом Колчаком до сих пор самими яицкими казаками не писано, кажется, ничего или почти ничего. Но в книге Яицкого В. Атамана ген. В. С. Толстова «От красных лап в неизвестную даль» (издана в 1921 году в Константинополе), сказано немного о взаимоотношениях между яицкими казаками и подчиненными ген. Деникину русскими «белыми» моряками на Каспийском море. Словом, — русский «белый» флот и Яицкое Казачество. Для полноты картины считаем полезным и необходимым привести ниже несколько выдержек из названной выше книги ген. Толстова об этом самом флоте и об отношении его к казакам.

— «» —

В начале 1920 года остатки Уральской армии во главе с В. Атаманом Толстовым вынуждены были уйти со своей территории «в неизвестную даль». В феврале казаций стряп прибыв в город Форт-Александровск на восточном берегу Каспийского моря. Здесь он встретился с каспийским флотом Деникина. Вот как рассказывает об этом ген. Толстов:

«В апреле 1919 г., когда я был уже атаманом Войска и командующим Уральской Отдельной Армией, Форт и станица Николаевская становятся свидетелями победы английских моряков с доблестным адмиралом Норрис во главе над флотилией красных, превышавшей англичан как количеством орудий, так и дальностью последних...

«В июне месяце этого года (1919) я считал долгом встретить доблестного адмирала в Гурьеве. От него я узнал, что флот англичанами сдается русским морякам. Такое сообщение меня не порадовало*). Доблестное поведение английского командования вселяло в меня веру в благополучие далекого тыла моей армии, упирившегося своей главной базой — городом Гурьевым — в море. Что за люди, которым сдается флот, и почему им сдается? — для меня было тайной. Теперь же это становится совершенно ясным: слышном много было праздного-шатающегося элемента в тылу Добровольческой армии, богатого всевозможными

заручками в верхах и желавшего работать не покладая рук там, где менее всего было опасно. Этот элемент объявил и доказал кому-то, что без него Каспийское море погибнет. Как ему могли не дать после такого серьезного заявления целого Каспия?... (Стр. 2-3).

— «» —

«Как понимает «долг связи с соседом» Каспийская флотилия:

«Утром за чаем мне прислали две радио-телеграммы. Я тут же вышел в кабинет и принялся за них.

«На клетчатых листах, вырванных из каких-то специальных торговых журналов, написано машинкой: телеграмма получена от 3-го февраля ст. ст. Сообщение для печати Штаба Каспийской флотилии. У верхнего обреза ее рукой написано: «Командующему Уральской Отдельной Армией».

«Немного недосумеваю над выражением «Сообщение для печати Штаба Каспийской флотилии»: значит, есть какие-то другие сообщения и, ясное дело, для самого Штаба, — так почему же меня пичкают сообщениями, предназначенными для печати? Хорошо, нечего сказать, понимает свой долг по отношению к Уральской армии Каспийская флотилия, — думаю я и продолжаю читать...

...«Слова «Верховный Круг» приковывают мое внимание: должно быть — большие перемены на территории Добармии, раз появился Казачий Круг, да еще Верховный. Не усиленно ли начали прислушиваться к общему голосу казачества? Не результат ли это конфликта казачьих Войск, Донского и Кубанского, по поводу Особого Совещания ген. Деникина? — Чувствую, что никто не сможет дать мне в форте ответа и оставляю вопросы открытыми... (Стр. 37-38).

— «» —

Глава УП (стр. 50) озаглавлена так: «Флотилия обогащает меня сведениями. — Составители фраз, имеющих немаловажное значение. — Издательство над Армией верхов «Торгового Дома» («Торговым Домом» ген. Толстов называет Каспийскую флотилию).

Ген. Толстов не самостийник, далеко не самостийник. Его даже оскорбляет, когда русские называют так казаков. Но вот что он пишет о Деникинском «высшем свете»:

«Слава Богу, что наш фронт и наша область были далеко от этого «высшего света»; в противном случае, я кончил бы свое существование на выборной должности атамана дружины и, если бы не был повешен, то принужден был бы куда-либо эвакуироваться, а казаки страдали бы и от расстрелов слева и от расстрелов справа.

*) От ред. Подчеркнуто везде нами.

«Не желаю делать секрета из того, что один из «высшего света», адмирал Сергеев, в оправдание своего нежелания принять честный элемент — уральцев — на свои суда, базируется уже на готовой фразе о самостоятельности их с Атаманом вместе.

«Я понял: главным мотивом с его стороны была боязнь преждевременного открытия всех своих блудностей. Каким другим способом он мог отвязаться от нас, как не назвав самостоятельными в глазах «высшего света»?»

«Как много мне пришлось насмотреться на перелетных птиц высшего порядка, флагирующих то от адмирала Колчака к ген. Деникину, то от ген. Деникина к адм. Колчаку. Они также приняли не малое участие в составлении зловещих фраз.

«Убегая от опасности, одни из них гибнут во зрелище своих перелетов тогда, когда совершенно не ожидают этого, как например, блестящий, выхваленный ген. Гришин-Алмазов со своим штабом, состоящим из трех ипегушкообразных адъютантов, и со своими автомобилями, с которыми они вместе переезжают моря и океаны. Другие благополучно проскальзывают в ту или другую сторону, но за свой проезд делают больше вреда, чем различные божественные агенты.

«Если эту с... быстро провезут от Гурьева к Сибирской дороге или обратно — оттуда до Гурьева, — в «высшем свете» создается приятное впечатление от тыла Уральской армии: все в порядке, страх и парод есть, крикнешь — и все готово к услугам. Заставят их подождать где-нибудь в станции, сейчас же раздаются угрозы: мы самому атаману будем жаловаться, а там Колчаку или Деникину.

«К сожалению, о таких делах и о подобных восклицаниях я узнал слишком поздно...

«Настоящая перемена во мнении «высшего света» о кубанцах и донцах мне ясна. Темные лица «высшего света», находясь теперь только под занавесом их, ради спасения своей шкуры и доделывания своих делешек, прикинулись доброжелательными. Фразы состояются по этому же шаблону, но тенденции их другая. Они через высшие мнения и авторитеты должны взять на себя единственных защитников своих территорий и самую лучшую сторону и укреплять их сознание, что на них смотрит весь свет. И тогда пекется фраза: кубанцы, донцы! — Да что они могут иначе сделать, как не отбросить красных и не порадовать своим блестящим видом глаз Главнокомандующего?»...

Ген. Толстов читает такое место одной из «своих» штаба ген. Деникина:

«В Великокняжеском районе все атаки красных отбиваются доблестными кубанцами»

и замечает: «Похоже на то, что ярые самостоятели, по первоначальному о них мнению «высшего света», только одни и отбивают везде красных»...

Относительно другого места той же сводки: «Наступление донцов выше всяких похвал» ген. Толстов пишет:

«Удивительная метаморфоза во мнении «высшего света»: заговорил-ка казак о своих краях — мнение «света» готово: «они — самостоятели». Теперь же ставит это казакам даже в особую заслугу.

«По моему, это... во первых, только потому, что только самостоятельные земли свободны от красных, а во вторых, все мерзавцы тыла не так глупы, чтобы при оставшейся надежде только на казаков рыть себе яму прежними фразами о самостоятельности.

«И вот различные осветители и осведомители, на сборот, стараются оттянуть свою гибель через казачьи головы и дать возможность себе, или кому это надлежит, с лучшим комфортом и наименьшей потерей из своего состояния, улизнуть во-время, куда надо. И там, где-то на свободе, они опять начнут ругать казаков»... (Стр. 55).

— «» —

«Шифрованные депеша командующего Отдельной Уральской Армией в ставку ген. Деникина не принимаются. Ему приходится быть под контролем главы Каспийской «торговой лавочки».

«Мне к этому времени была передана из Штаба Армии грозная депеша Кавказского командования с требованием выдачи всех секретных шифров Штаба Уральской Армии и лично моих. В случае невыполнения этого с моей стороны, мои шифрованные телеграммы приниматься не будут.

«Выдать шифры я не считал нужным. Причины такого требования для меня были слишком ясны: кому-то из «торговой лавочки» необходимо было знать степень моей осведомленности о всех их «торговых» и других операциях. Союзным торговым домам не оставалось другого выхода, как выполнить свою угрозу.

«Чувствуя себя уже в полной безопасности от меня, **жилиые верхи морского учреждения позволяю издеваться надо мною, а значит и над казаками...** (Стр. 56).

— «» —

«На душе было темно и безотраднo. Возможно, что я инстинктивно расправлял себя для вызова всех внутренних сил к какому-то противодействию против определенно уже сложившейся неблагоприятной для нас обстановки.

«Как на зло, приходит в это время письмо от полк. Кириллова, рисующее отчаянное положение на Кавказе. Изволила попасться на глаза бумажка с требованием выдачи всех наших шифров — она внутренне связалась как-то со всеми безобразиями, творящимися в тылах союзных русских армий: спекулянством, взяточничеством, провокаторством, паникой, с происходящей демобилизацией, безобразным состоянием железных дорог и т. д. Все это закреплялось ползущими откуда-то слухами о приходе красных.

«Получилась телеграмма от красного командования с предложением матросам Каспийской «лавочки» не открывать огня по красному флоту. Окончательно хотело жоконать меня сообщение комиссии из казаков-моряков, что на остающихся в бухте лодках нельзя и пытаться ехать в дальний путь... (Стр. 102).

— «» —

«Сознание того, что более 3000 измучившихся и истрадавших людей смотрят на тебя, как на единственного человека, способного улучшить их положение и избавить от страданий, заставило в сотый раз перебирать в уме все данные, могущие изменить роковой ход событий и полжение тех, кто до сих пор честно и свято выполнял свой долг и ради него пожертвовал всем.

«Утопающий хватается за соломинку» — и мы это сделали.

«20 марта по ст. ст. марин Сантанеев любезно уведомил меня, что согласно приказанию, полученного им от командующего флотом, корабли «Опыт» и «Милютин», находящиеся в бухте, должны идти в Баку и Ензели, а вместо них сюда, якобы, придут другие.

«Остатки ли совести и чести, а также туманное сознание ответственности перед Богом и людьми в памятной гибели тысяч несчастных людей — заставляя его прогнать сквозь зубы предложение об отплате с отходящими судами женщин, детей и казак. Мы этим пользуемся и просим его принять на корабли войсковое имущество и серебро. Он соглашается.

«Рассуждение, что с отправкой слабого духом и немощного телом элемента, а также лишнего груза, мы укрепим морально и к могущим быть в недалеком будущем невзгодах, заставило меня собрать совещание из чинов Штаба армии, бригады, командиров полков и председателя Малого Круга.

«Для обрисовки создавшейся обстановки не надо было много слов. Было видно, что каждый переживал приблизительно то, что было у меня в тайниках сердца, а потому понимали меня с полуслова.

«Представившаяся возможность спасти ни в чем не повинных людей от красного ужаса и сильное желание избавить их от этого как можно скорее заставляло быстро согласиться с тем, чтобы на одном из этих судов был послан начальник Штаба ген. Моторнов — с правом делать все для спасения армии и **расходовать для этой цели войсковое серебро.**

«На этом же заседании я услышал, что **последняя мера будет самой действительной из всех способов чего либо добиться от главы «Торгового Дома».** Мне также передали сказанные в Петровске Челабовой слова, указывающие даже сумму, обеспечивающую наш выезд на юг.

«Заклепи приготовления...

«Утро (4-го апреля по нов. ст.). В связи с предстоящими проходами хотя бы части наших остатков с места, где она будет в безопасности, наступающий хороший весенний день казался особенно великолепным.

«Отход кораблей назначен в 1 час дня. На ули-

цах необычайное оживление, которое особенно заметно на юго-восточной и восточной окраинах города, прилегающих к бухте, где стоят готовые к отходу корабли.

«У меня, помимо проводив своей семьи, начальника Шабана и членов Круга, в 10 часов утра назначен сбор командного состава Армии для выслушивания доклада м-м Челабовой и ознакомления с письмом моего помощника А. Михеева.

«М-м Челабова, за отсутствием крейсирующих пароходов, прибыла в Форт на парусной лодке и этот тяжелый, отчасти рискованный способ передвижения создает даже у меня исключительный интерес к предстоящей с нею беседе.

«22 марта (4 апреля) — день неожиданных новостей и сильных впечатлений, которые начинаются с моего прихода в канцелярию. Не успел я войти в свое «святое святых», как мне была преподнесена начальником штаба телеграмма от Комфлота, гласящая: «От 18-го марта ген. Толстому с Крюгера:

«Получил радио Марина № 69, где сказано: все морские учреждения и суда Вы подчинили себе. Ваш приказ о подчинении морских учреждений и судов — **самоцинен. Флот существует в Гречней боевой силе. Ни один корабль не будет существовать без моего ведома и инструкции. Боевые операции идут в полной мере. Владычество над морем мое».**

Подпись: **Сергеев.**

«Или через меру наглости и подлости, или в самом деле не все еще потеряно», — думаю я, прочитав и перечитав эту депешу, в которой было столько неуместного пустого тщеславия, столько грубой нетактичности, но в то же время было что то и успокаивающее...

«Оглашаю собравшимся в канцелярии эту телеграмму...

«Оживленный обмен мнениями по поводу прочитанного продолжался не более десяти минут и был нарушен вошедшей м-м Челабовой.

«Невольной и все присутствующие устремляем любопытные взгляды на тайную сподвижницу комфлота Каспийского.

«Так вот она та Челабова, о которой говорили в последнее время так много здесь и на Кавказе, а раньше и в Гурьеве», думает, вероятно, каждый из нас. «Вот она перед нами, эта вездесущая, всемогущая владычица нашего Каспия и плавающего по нему флота во главе с адм. Сергеевым.

«Вот она, эта коммерсантка, грузы которой перевозятся с одного берега моря на другой вне всякой очереди, на любом судне, какое только она пожелает, и с подобающим конвоем из военных кораблей.

«Какое ей дело до того, что где-то на фронтах ждут грузы первой необходимости для Армии — медикаменты, боевые припасы, мука, когда ее товары — соль, тюлений жир, рыба — должны быть перевезены с одного конца моря на другой, или суда, занятые ею, должны стоять в портах по несколько дней в ожидании выгодного покупателя.

«Она — самое большое звено в цепи, которое тянется от голов красной армии через тылы добровольцев в штабы армий последних. Об этом много говорилось, говорилось упорно, но тихо, — открытая борьба с Челабовой опасна...

«Пока все эти мысли проносились вихрем в моей голове, м-м Челабова начала свой доклад-рассказ о последних событиях в Петровске.

«Отрывистые фразы, следующие одна за другой с поразительной быстротой, мешают мне записывать их полностью. Некоторые же из них, как например: Я взяла пароход «Казбек», «поехала туда тс» — с подчеркиванием местонахождения «я» и полной зависимости от нее адм. Сергеева — невольно меня коробят...

«Была перед отъездом у адмирала, — он сказал, чтобы уральцы были покойны: пароходы обязательно придут для них... В Петровске не осталось почти ничего. Думаю, что ваши казаки выехали в Ензели. На прощанье адмирал сказал мне: «Успокойте уральцев и скажите, что пароходы обязательно будут дней через восемь.

«После этих слов она встает, чтобы уйти. Я ее не задерживаю, т. к. знаю, что она сказала все, что должна была сказать мне, и больше ничего не скажет... (Стр. 104-108).

...«Ухожу с заседания провожать отъезжающих..

«Пароходы «Милютин» и «Опыт» стояли — первый у центральной пристани станицы Николаевской, а второй в северо-восточном углу бухты.

«Моя семья должна была ехать на «Опыте», к которому я и под'ехал...

«На «Опыте» творился хаос. Вся палуба была занята багажом, тюками, тучками уезжающих, а грузы с пристани все продолжали прибывать, а с ними и пассажиры. Он, наконец, отошел от пристани и стал недалеко от нее на якорь...

...Своих мыслей я был «отвлечен раздавшимися каками-то взрывами на напорном берегу и громкой командой на «Опыте»: «К орудиям, прочистить их!». Потом следовал возглас: «Крейсер красных».

«Действительно, через косу, на которой расположена станица Николаевская, на дистанции 6-7 верст, было видно какое-то судно, а не вдалеке от него другое...

«До моих ушей достигло и распоряжение командира «Опыта» о высадке всех пассажиров, на берег, т. к. **корабли пойдут в бой...**

«Когда я прибыл в станицу, то полки уже были готовы и командиры их ждали дальнейших приказаний...

«На берегу моря картина была такова: два неприятельских корабля... вели артиллерийскую стрельбу сначала по бухте, а потом, увидя выходящих оттуда «Опыт» и «Милютин», перенесли огонь на них. Последние, в свою очередь, открыв стрельбу по нападавшим, взяли направление, пересекающее путь отхода неприятельских кораблей...

«Противник начал отходить в северо-западном направлении, преследуемый, хотя и очень медленно, нашими судами.

«Артиллерийский бой продолжался, но постепенно становился глуше по мере увеличения дистанции от берега...

«(Белье) русские корабли ушли и больше не вернулись. Ред.).

«Стало ясным, — продолжает ген. Толстов, что **надо работать самим и отбросить Надежду на чью либо помощь...**

«Связи с кораблями «Опыт» и «Милютин» установить не удалось...

«Теперь на эти корабли... никто не надеялся. Слишком было мало вероятности предполагать со стороны таких доблестных воинов, как Каспийский флот, хоть маленькую степень риска для нашего спасения, как своими драгоценными жизнями, так и награбленным им добром... (Стр. 109-115).

— «» —

...«Корабли красных снова видны на горизонте и двигаются к бухте, а наших кораблей и не видно, и не слышно...

«Приблизительно около 9 часов вечера раздавшаяся трескотня пулеметов и несколько оружейных выстрелов по входу в бухту показали, что противник где-то близко и заявляет о своем присутствии. Действительно, при луне, недалеко от берега были видны простым глазом два большевистских корабля... (Стр. 115).

— «» —

«Вполне естественно, что людям, переболевшим всевозможными тифами, бросившим все близкое и дорогое там, в парстве смерти — в Войске, сверхфизически уставшим от первого похода, хотелось верить в мир — даже и при таких условиях, когда они являлись побежденными. И, как вывод из всего этого, цифра желающих уходить... уменьшилась до одной четверти...

«Близость противника, его мощные оружейные выстрелы, раздавшиеся в ночной тишине, особенно громко, два карабельных темных силуэта, казавшиеся ночью особенно большими, указывали на полную **сторонность нас от всех других, находящихся по ту сторону Каспия. Желающих уходить со мной стало еще меньше...** (Стр. 115).

— «» —

...«Когда подошли к выходу из станицы на место назначенного сбора, то остановились подождать тянувшихся по одиночке, не желавших оставаться в станице, воинских чинов...

...«На сборном месте я еще раз объяснил всем собравшимся обстановку, трудность предстоящего пути,

его полную неизвестность, также как и конечной цели. Просит еще раз всех подумать об этом и, пока не поздно, вернуться назад.

«Несколько десятков человек, из числа более слабых физически, со слезами на глазах должны были признаться, что они по своему состоянию здоровья считают себя обязанными вернуться, чтобы не быть в тягость остальным...»

«Около 12 часов (ночи), перекрестившись, двинулись с этого... последнего пункта раздумья и тяжелых переживаний для каждого.

«Снова поход... (Стр. 118).

Думы ген. Толстова на второй день похода:

«Я говорил о том, что казаки, боровшиеся в Войске за святое дело защиты своей земли и родного Яика, защиты своего казачьего духа и обычаев, — защищали вместе с тем и всех протухших людей, стоявших во главе государственного строя, благодаря ко-

торым все имевшие какие либо суммы в кармане, имевшие папенькины или маменькины хвосты в руках или другую протекцию, или обладавшие малым знанием законов и умевшие подводить себя под различные категории для освобождения от службы в рядах, — не нюхали совершенно ни свежего воздуха полей, ни запаха, как говорят, пороха и, находясь за спинами бойцов, только то и делали, что критиковали всех и вся и занимались провокацией.

«Говорил ему (Вл. Ив. Моторнову) о массе кочевавших от Деникина к Колчаку офицеров и об офицерах, находившихся в тылу на должностях, совершенно не соответствовавших их воинскому званию. Говорил о всей трудности борьбы в свое время со всем этим злом... (Стр. 26).

— К сожалению, ген. Толстов сам не сделал логических выводов из того, что сам писал, и ничему до сих пор не научился...

Иван ГЛАВНЕВ

Из недавнего прошлого

(ПОСЛЕ НОВОРОССИЙСКА).

Лунная ночь. Конский топот. Скрип колес. Сосредоточенные лица. Прощанье, целование, револьверные выстрелы. Ржанье и предсмертные стоны дорогих и любимых коней. Проклятья отходящим пародам...

Начало светать. К городу подошли с развернутыми красными знаменами конники Буденного. По виду и ухватке — казаки, видимо, перебежчики. На папашах красные ленточки... Нервы напряжены... То там, то здесь бродят лошади, вбирая в себя свежий воздух и слегка пофыркивая, да порой, пронизывая тишину, раздаются выстрелы...

Круг суживается. Нас тесным кольцом охватывают со всех сторон...

Итак, начинается. Срывают ордена, погоны, кокарды. Снимают хорошее обмундирование, примеряют и здесь же взамен бросают старое. Оружие отбирается. Происходит регистрация. Чин, род оружия, местожительство... Отбирают личные документы. Желающих идти на Польский фронт отводят влево. Отказавшихся, — угоняют этапным порядком в концлагеря.

Я с приятелем Михаилом Деминим принадлежали ко второй группе. Идем в общей массе. Ведут нас наши же станичники...

Решили бежать во что бы то ни стало. Разговорившись с одним из конвоировавших нас казаков — окружанином, просили его поспособствовать нашему побегу. В знак согласия, он кивнул головой.

Идем довольно легким для побега местом: высокая трава с камышом в перемежку. Пригнувшись пониже к траве и — снова почуствовали себя на свободе. Обождали, пока группа скрылась с наших глаз, и — в путь-дорогу на Ростов!

Путь наш лежал через реки и лиманы. Заходить в большие станицы и на узловые станции мы благополучно избегали...

Наконец, добрались до Ростова, уставшие и голодные. Ради осторожности, не пошли на старые квартиры, а свернули к знакомому художнику, другу моего приятеля. Художник состоял в партии и имел связи. Он быстро устроил нам комнату и документы. Вначале помогал и деньгами.

Стали мы служить и учиться, получая продовольственные пайки. Познакомились с новыми людьми. Ходили на вечеринки. Одним словом, «веселились» во вражьем стане. Общественных мест все же избегали, т. к. проверка документов повсюду шла тщательная.

— «» —

Однажды, переходя городской сад в вечернее время, мы заметили необычное оживление среди гуляющих. Оказалось, «конная сотня особого назначения» оцепила сад. Шла проверка документов. Тех, кто был без документов и «подозрительных» отводили в сторону, а затем, под охраной, отсылали по чрезвычайным комиссиям.

Чекист, просмотрев наши документы, положил их

себе в карман. Нас тоже отвел в сторону. Под охраной, отправили нас по Пушкинской улице в сырой и затхлый подвал.

Входим в подвал, вернее — нас туда вталкивают. Света нет, темно. Нас — человек двадцать. Пройдя метров шесть, я споткнулся обо что то. Потеряв равновесие, — упал на землю и руками ощутил что то липкое. Уж не кровь ли? Стал ощупывать «предмет» и, наконец, сообразил, что передо мной лежал расстрелянный...

Настроение стало совсем паршивое. Не до разговоров было с приятелем...

Стало светать. Настало утро. Свет стал проникать через маленькое решетчатое окошечко. Когда первые лучи света осветили пол затхлого подвала, — только тогда представилась нам во всей полноте картина звериного разгула в подвалах чека... Их было девятьtrupов, зверски убитых и беспорядочно валявшихся на земляном полу, залитом кровью. Одни — с искаженной гримасой пережитого ужаса, другие просто с бесформенной массой крови вместо лица. Мозги, большие круглые глаза, уродливо торчащие зубы, куски мяса, спертый воздух и смрад от крови свидетельствовали не о девяти человеках, а о гораздо большем количестве...

Кто и что переживал в такие тяжелые минуты, никто не знает. Да и можно ли передать это? Это надо пережить...

Мой приятель сразу осунулся... Разговор не клеился. Условились на одном: кто живым вырвется из этого подвала, пусть расскажет родным о печальной участи другого.

Часам к девяти утра пришли «кожанки» с наганями в руках. Возвратили мне с Михаилом, да еще нескольким людям документы, выпустив нас на свободу. Остальные остались сидеть.

Но, не теми мы стали, кем были раньше. Как то внезапно улыбка и смех исчезли. Вчерашняя юность и беспечность превратились сегодня в зрелость и подавленность. Подвал оставил свой отпечаток. Близкое соприкосновение со смертью и ужасом террора положили начало новым мыслям и иным словам...

В этот день солнце как то особенно светило. Деревья приветливо кивали своими верхушками. Синее небо было какое то радостное. Птицы, насекомые, мотыльки, которых я раньше не особенно замечал, были особенно близки и дороги. Хотелось крикнуть всем, что из себя представляет жизнь, как нужно ею дорожить. Но кругом, на кого ни посмотришь, у каждого была своя жизнь, свое горе. В борьбе за право жить, каждый боролся так, как мог. Сильный давил слабых. Слабые преклонялись перед сильным. А власть на местах, как вампир, вырывала все новые и новые жертвы...

— «» —

Чем дальше, тем больше убеждались мы в том,

что родной Казачий Край превратился в арену кровавых нечеловеческих расправ с казаками. Душа бодела за станичников. За непокорность станиц и хуторов, красная армия артиллерийским и пулеметным огнем сравнивала их с землей. Но, как бороться, что предпринять? Если армии не могли устоять, то мы, осколки той огромной машины, могли ли что либо сделать с царившим насилием и произволом?

Совесть толкала нас в подпольную организацию. Лучшие вырвать жизнь у одного чекиста, чем терять сотни своих казаков...

Все средства «нашего террора» были слабы и опасны, как для самого активиста, так и для обывателя, но другого выхода тогда не было.

В это время уже начали свою деятельность подпольные организации — «Единая, Неделимая» и «Союз вольных казаков». Организации работали хорошо и в контакте между собой. Снимали часовых, увозили орудия, крали пулеметы, уничтожали ответственных работников. Обстановка благоприятствовала этому. На Кубани был высажен десант, хотя и неудачный, но все же он поддержал бодрость духа. В горах зеленые. На Острой косе еще десант донцов-Назаровцев. Эти последние очень помогли нам. Начиная с Матвеева Кургана, у нас была уже связь с ними.

В то тревожное время Екатеринодар, Новочеркасск и Ростов были охвачены паникой. Ответственные коммунисты хотя и соблюдали дисциплину, но очень нервничали. Стали заниматься военным искусством — стрельбой и маршировкой. Спали в особых домах и всегда были наготове.

Чрезвычайными комиссиями каждый день оцепливались города и станицы. Обыски, облавы, аресты и расстрелы за ношение огнестрельного оружия. Группы арестованных сопровождался усиленным нарядом конных и пеших людей.

В это время вся Донская область была в распоряжении какой-то части Буденного, штаб которой помещался на 1-й Соборной ул. в г. Нахичевани. Из Москвы прибывали новые чрезвычайные комиссии. Вся область была объявлена на военном положении. Стали выдаваться денежные премии за головы организаторов восстаний. Появились Иуды. Недоверие среди своих, подозрения, затем частичные аресты членов организации. Переполненные вагоны с арестованными отправлялись эшелон за эшелонам на Север.

При такой обстановке через приятеля Борю Попова я вошел в организацию «Вольных казаков». Работал не за страх, а за совесть. Организацию возглавлял Лейб-Гвардии Казачьего полка подесаул Х...

29 июня 192... г. предполагалось восстание в Ростове, Новочеркасске, Екатеринодаре и всех близлежащих станицах. К сожалению, заговор был раскрыт за четыре дня до его осуществления. Горе нас постигло неожиданно и врасплох.

— «» —

Придя домой, занялся своей обычной работой. Вдруг слышу стук в дверь.

— Войдите.

Открылась дверь. На пороге показалась красивая девушка.

— Могу ли я видеть Борю Попова?

— К сожалению, его нет дома.

— Может быть я могу его обождать?

— Нет, бесполезно, он вернется завтра к обеду. Простите, с кем имею честь разговаривать?

— С женой Бориса Ивановича Попова.

Я был очень удивлен этой новостью.

— Тогда присядьте, побеседуем. А он, откровенно говоря, скрывал от меня о женитьбе.

— Да как же не скрывать? Он меня бросил вот уже 11 месяцев. Я его везде и всюду искала. Между прочим, очень довольна, что нашла. Не можете ли показать мне его последнюю фотографию?

— С удовольствием, вот она на столе.

Она быстро схватила, посмотрела на нее и заплакала.

— Да, много горя он мне принес. Перенесла порядком, он этого не стоит. Только любовь способна на унижение... — И снова заплакала.

Сквозь слезы попросила разрешения взять с собой фотографию Бориса. Меня это очень тронуло. Я разрешил. Она поблагодарила.

— А могу я сегодня вечером с вами поговорить?

— С удовольствием, к вашим услугам.

Распрощались. Она ушла.

Откровенно говоря, ее внешность, манеры, улыбка произвели на меня впечатление. С интересом стал ждать вечера. В назначенный час она была уже в условленном месте. Я подошел к ней, снял фуражку, вежливо улыбнулся и протянул руку. Она вздрогнула и стала немного нервничать, но быстро справилась с собой. Мы присели. Она заговорила о себе. Из ее слов я понял, что она служила сестрой милосердия в Корниловском походе. Ранена в ногу. Знает многих знакомых. Любит казаков. Долгое время жила в Екатеринодаре, а затем спросила:

— Что же вы поделяете все это время?

Я стал рассказывать о своем степном походе, о ранении под родным хутором. О своих переживаниях во время пребывания первого большевистского отряда, о набатах станичных колоколов, о расстрелах раненых партизан. Затем мы перешли на тему о вреде братоубийственной войны «между своими»...

Потом разговор перешел на Попова.

— Что же он поделяет в настоящее время? Скрыл ли свое прошлое положение? Боятся ли большевиков? Пусть будет осторожен. Передайте ему, что зайду завтра часам к 9 вечера, а сейчас тороплюсь. Всего лучшего.

Она скрылась радостная и довольная.

На следующий день я занялся приведением в порядок комнаты, т. к. вечером должна придти жена Бориса. Вдруг Борис рано утром появляется в дверях...

— С тебя, дорогой друг, могарыч. Жена к тебе приходила, ругала и плакала от радости, что отыскала тебя. Сегодня вечером зайдет.

Он с недоумением слушал меня.

— Да ты что, с ума, что ли, сошел, Георгий?*) Ты же хорошо знаешь, что я не женат.

— Мы не виделись с тобой больше двух лет из-за войны. Мало ли что могло быть...

— Это верно, но все же я не женат... Расскажи, как это было.

— Не спеши... Увидишь вечером, поговоришь. Мне нужно на работу идти.

— Нет, без шуток. Толком расскажи. Я женщин боюсь, тем более, что одна уже в меня стреляла. Чуть Богу душу не отдал, 6 месяцев провалялся в госпитале. Опиши, какова она собой...

— Высокого роста, блондинка, глаза голубые, красиво сложена, а, самое главное, обаятельная женщина...

— Блондинка с голубыми глазами, ты говоришь? Вот это и плохо. Уходить нам надо из этой квартиры, ибо она нас предаст. Я расстрелял ее брата студента-большевика, будучи в контр-разведке. Это она в меня стреляла. Верно, служит в чека.

— Ну, тогда прости, дорогой Боря, я невольно начинаю предавать тебя. Она просила, со слезами на глазах твою фотографию. Меня эта картина очень тронула и я ей отдал. Странно то, что и моей фотографии нет на столе. Возможно, что служит. Надо быть ко всему готовым. Ну, Боря, уходи поскорей, может быть идет уже слежка. Только выходи через черный ход. Я не пойду сегодня на работу, буду жечь лишние бумаги, а нужные перепрячу в другое место. Мало ли что может случиться... Я переночую здесь, а утром рано уйду. Встретимся в Нахичевани у Кости З... Ну, прощай, до скорого...

Борис скрылся в дверях. Окончив жечь ненужные бумаги, стал посматривать на часы. Верно, в девять придут с арестом. Что же предпринять дальше? Бежать, пока не поздно? Нет, это средство сейчас не годится. Если бы я был один, тогда дело другое, а так -- что станется с моими родителями?

Долго раздумывал, лежа на кровати, пока не уснул. Вдруг ночью меня будит хозяйка, «Степановна»:

— Голубчик, за Вами пришли...

— Кто? Что?

Вдруг комната осветилась сильным светом карманного фонаря:

— Здесь живут товарищи Попов и Савельев?

*) Для лучшей конспирации мы всегда называли друг друга условленными «псевдонимами».

— Савельев — это я. Попова трое суток, как нет дома...

— Ваше социальное положение?

— Студент университета...

— Ваши документы?

Достав, передаю.

Наган чекиста, направленный на меня, неприятно маячит в глазах. Всматриваюсь. За чекистом стоят еще две «кожанки» с наганами в руках и несколько красноармейцев с винтовками наперевес.

— Ваш приятель Попов должен быть сегодня здесь. Почему его нет?

— Не знаю... Должен быть, но пока нет.

— Оценить дом и произвести тщательный обыск, — командовал чекист, ударяя на о.

Только к рассвету обыск закончился. Оставили двух часовых у входа моей квартиры, остальные два в штатском дежурили на улице. Такое положение продолжалось до вечера.

Наступили сумерки. Ко мне в комнату вошла моя невеста Стася Попова, сестра Бориса. Я был очень озадачен ее посещением. Объяснил ей свое глупое положение. Попросил передать моим приятелям о постигшем меня горе, просил пока не навещать. Она собралась уходить, но часовые отказались ее выпустить до прихода их начальника. Напрасны были просьбы и уговоры.

Часа через полтора под'ехал автомобиль с пулеметом позади. Из автомобиля вышло три человека. Среди них находился человек страшного телосложения, с длинными руками, с отвисшей губой. Глаза маленькие, рот большой, на затылке шапочка моряка балтийского флота, на поясе болтался «Маузер». Второй имел сапожную мастерскую на нашей улице. Третий был, видимо, интеллигент. Три представителя «рабоче-крестьянской власти» вошли в комнату. При виде человека страшного телосложения, Стася испугалась и не могла ему ответить ни на один из его вопросов, растерянно глядя себе под ноги. Колкостям, насмешкам, десятиэтажным словам, казалось, не было конца.

Ушли. Автомобиль загудел своим мощным мотором и скрылся за углом. Мы продолжали оставаться в комнате. Я стал, как мог, успокаивать Стасю.

— Аресту ты не подлежишь, а расстрелу тем более, как не совершеннолетняя, улики против тебя нет, а за меня не беспокойся. Смерть меня не страшит. Вижу ее не в первый раз и не в последний. Самое главное, не забывай меня, а пока мужайся, покажи себя храброй девушкой.

Вдруг постучали в дверь.

— Войдите.

Входит чекист в штатском.

— Разрешите вас провести в чрезвычайную комиссию. Хотите с конвоем или без конвоя? Не бойтесь, мы не звери, — стал успокаивать он нас. — Нам нужно выяснить ваши личности и задать несколько вопросов, интересующих нас.

Я охотно согласился идти без конвоя. Идем дорогой. Мой собеседник спрашивает о здоровье моих родителей. Жив ли батюшка, жива ли матушка? Где они живут и что делают? Если имеете братьев и сестер, то и их социальное положение, укажите их местожительства...

Я тем временем раздумывал и обдумывал свои планы, озираясь и осматриваясь по сторонам, неохотно отвечая на задаваемые вопросы. А в голове мысли шли вереницей, одна смелее другой. Появилась мысль — схватить его за горло и задушить. В крайнем случае, выхватить револьвер и, если нас тайно сопровождают сзади другие чекисты, то стрелять до последнего, не отдавая ни себя, ни Стаси в руки чека. Но, мысль о ее и моих родителях, наших родственниках и близких, которые подлежали бы если не расстрелу, то ссылке в Архангельск или на Соловки, сдержала меня.

— «» —

Подходим к зданию чрезвычайной комиссии. Три линии провололочных заграждений доходят до середины улицы. Вокруг часовые. По углам пулеметы. У входа дежурный чекист во всеоружии — с саблей и наганом, на груди висит бинокль.

Наш провожатый отвернул конец пиджака и показал какой то значек. Нас пропустили. Поднялись по

ступенькам. У входа еще два пулемета. Около пулемета сам комендант чека. Записали о нашем прибытии. Объявили арест. Затрещали звонки, засуетились люди. Могильная тишина была нарушена нашим появлением.

Поднимаемся вверх по лестнице. Вот и приемная председателя чека. Ожидаем. Раздается звонок. Меня «на скорую руку» обыскали и, не найдя ничего, вводят в довольно просторную комнату. На стенах портреты Ленина, Троцкого и Дзержинского. Красивые, дорогие кресла и диваны красного дерева. Посреди комнаты длинный стол, покрытый черной скатертью.

За столом сидел человек с клычкой «рваные ноздри» и еще несколько человек «следователей». Особенно мне бросилась в глаза физиономия маленького горбатого «следователя» с перекошенным лицом. А сбоку него — мой знакомый сапожник.

Первым начинает допрашивать «рваные ноздри»:

— В партизанском Чернецовском отряде состоял в качестве кого?

— Я не состоял в отряде Чернецова? — отвечаю.

— Прости, я ошибся: Семилетовского отряда?

— В партизанских отрядах я не состоял...

— А можешь ли ты ругаться головой, что не участвовал в партизанских отрядах?

— Могу.

— Странно, казак низовый, а в отрядах не состоял. Тогда на, подпиши эту бумагу.

Подписанную бумагу он приобщает к делу и продолжает дальше:

— Следовательно, хочешь сказать, что в гражданской войне не участвовал и в борьбе против революционных войск участия не принимал?

— Нет, товарищ, так говорить я не могу. Мой возраст подлежал призыву в армию, я был мобилизован и служил в 36-м Бело-Калитвенском полку.

— В каком чине?

— Нижним чином. Мои убеждения были против братоубийственной войны. Я добровольно остался в Ростове и не отступал, — вру, как могу.

Отбрав у меня личные документы, следователь стал что то записывать. Я этим временем обдумываю, как и что лгать дальше. Ну, думаю, врать, так врать, лишь бы не забывать, что говорю.

Сжал кулаки, стиснул зубы, приободрил себя и жду. От волнения горло пересохло, язык к гортани прилипает. Вижу, на столе между двумя наганами стоит графин с водой.

— Разрешите, товарищ, выпить воды?

Следователь поднял на меня сердитые глаза. Ответил:

— Пей, шпана!

Выпил воды, словно рому хватил. Кровь по жилам побежала. Освежился. Июнь месяц стоял на дворе.

Вдруг, еще вопрос:

— В подпольной организации кем состоял и принимал ли участие в террористических актах?

— Господь с вами... Если армии белого движения не могли сломить мощь красной армии, то разве можно ожидать от подпольных организаций каких либо результатов?

— Дурак ты. Не Господь с нами, а черт с нами. Ты до сих пор, оболтус, не знаешь, что Бога не существует, а еще студент.

— Простите, товарищ, это старая привычка.

Щеки загорелись от стыда. Ну, думаю, и гусь же я: слово Господь произнес перед этой сволочью. У них же ничего нет святого.

Вдруг горбатый с перекошенной физиономией заметил:

— Вы, товарищ, откровенничайте побольше. Мы все знаем, не стесняйтесь...

Он еще что то хотел сказать, но «рваные ноздри» сорвался со своего места и ринулся к перекошенному. Горбатый от испуга согнулся и стал еще меньше. Только одна голова высывалась из-под стола. Страшный треск раздался от удара по физиономии горбатого следователя. Обливаясь кровью, он вышел, выливая. Неудачник революции...

Все нахмурились. Воцарилась тишина и только перо «рваных ноздрей», коряво выводя буквы, нарушало тишину. Окончив писать, он подошел ко мне, взял за плечи и с усмешкой и презрением усталый взгляд на меня:

— Ты слишком молод и неопытен, чтобы нас проведи. Мы знаем все. Скрывать от нас что либо тебе нет смысла.

Он отчетливо ударил в ладони три раза. Дверь открылась и на пороге показались есаул Калинин, в сопровождении чекиста огромного роста с хлыстом в руках. Между прочим, есаул Калинин работал в организации «вольных казаков» и был подослан организацией в «Дочку», т. е. Донскую чека. Я взглянул на есаула Калинина и замер. Цветущий, здоровый раньше весельчак Калинин превратился в тень загробную. Словно из-под могильной плиты только что поднялся. Худой, еле держится на ногах. Скулы с подбородком очень выдаются. Под глазами синеватые подтеки. Оброс бородой. Грязный. Поднял трясущуюся руку, чтобы заговорить, но не удержался на ногах и упал.

От этой картины кровь мне ударила в голову. В глазах потемнело, но я заметил, как «рваные ноздри» еще пристальней и с еще большей презрительной улыбкой впился в меня. Видимо, сцена, развернувшегося перед моими глазами, произвела на него хорошее впечатление. Подойдя к лежащему есаулу, он ударил его ногой:

— Рассказывай, скот, не притворяйся...

Калинин с трудом приподнялся. Гримаса адской боли пробежала по его лицу. Сделав головой отрицательный знак, он заговорил еле слышно:

— Организация раскрыта. Много арестовано. Я рассказал, что знал. Они требуют от меня большего. Ты видишь, каков я, — и заплакал. — Дают селедку без хлеба и воды. Вот уже 17 дней продолжается мука. А как они меня бьют. Убейте, варвары, но не мучьте меня... Не могу...

Стал становиться еще громче. Чекист, сопровождавший его, ударил его хлыстом несколько раз. Калинин лежал неподвижно, вытянувшись во весь рост.

Вошли два красноармейца и унесли его.

Скверно стало на душе. Обман мой раскрыт... Но, нет и тысячу раз нет, — буду держаться своих показаний, не стану отходить от них ни на шаг...

В то время, когда я обдумывал свой план, незаметно для меня вошел председатель комиссии. От удара хлыста я встрепенул и увидел перед собой низкого, широкоплечего с большой головой чекиста.

— Это ты Савельев?

— Да, товарищ, — отвечаю.

— Так это вы, сволочи, жаждете нашей крови? Это вы убиваете наших лучших товарищей? Мы сидели в острогах Сибири, проводя там свою молодость. Девять лет я терпел там ужасные муки и унижения, а теперь, когда пришла желанная свобода, вы следите по нашим пятам, роя нам могилы. Нет! За око два ока, а за зуб все зубы. Говори коротко, но ясно. Я не имею времени. Мне нужно поработать сегодня всю ночь над вашими. Был ли в партизанском отряде и какую роль играл в подпольной организации?

— Я, товарищ, говорю откровенно, что в партизанских отрядах не состоял, в организации, не участвовал, — отвечаю ему.

— Ну, тогда отверни ворот своей рубашки...

Отстегиваю пуговицы и медленно отворачиваю ворот рубашки. Вытащив кинжал, председатель приставил конец его лезвия к моему горлу. Я, волнуясь и тяжело дыша, жду своего конца.

В это время подошел «рваные ноздри» и сказал:

— Оставь его, он нам еще нужен.

Оба сели за стол. В это время в комнату вошел чекист, сопровождавший Калинина. Председатель сделал знак в мою сторону. Хлыст из жил, с утолщением к концу, со свистом стал подниматься над моей головой. Я почувствовал адскую боль на голове и спине. Затем не помню, что было со мной.

— «» —

Придя в себя, я стал соображать, что было со мной и каким образом я попал сюда. Повернувшись, почувствовал боль в спине. Приподнялся, встал, словно разбитый, подошел к часовым. Увидев красноармейцев, вспомнил о своем аресте, допросе и побоях. Верно, сижу в чека. Вдруг довольно отчетливо услышал залп. Залп повторился. Верно, расстреливают наших. Я перекрестился, стал вслушиваться. В это время колокол пробил три удара. Следовательно, три часа ночи.

Стал вспоминать, что говорил и о чем меня спра-

шивали, и как нужно дальше отвечать. Лежу и раздумываю. Вдруг входит матрос. Кивком головы приветствует меня.

— Ведите себя, как подобает казаку.. мужайтесь. Здесь, в чека, у вас есть рука, которая в нужный момент вас защитит. Калинин скомпрометировал себя во время обыска личного состава чека. Сняв копии секретных документов в секретно-оперативном отделе, он этим выдал себя. Участь его решена, помощь бессильна, молитесь за него. А пока, — крепко пожал мне руку и удалился.

Кто этот незнакомый матрос — свой или предатель? Увижу, а пока нужно отдохнуть. Хочу уснуть, но не могу. Широкоплечий, с большой головой и пронизательными глазами председатель чека встает передо мной.

Начался день. Приходит смена часовых. Чрезвычайка постепенно начинает заполняться новыми людьми. В мою комнату ввели человека в красных штанах, в лакированных сапогах, на голове защитного цвета фуражка с пятиконечной звездой. Я стал подозрительно коситься на него, незнакомец — на меня. В обед ему принесли хлеб, колбасу и яйца. При виде хлеба с колбасой, потянуло на еду, но я продолжал лежать, стараясь как можно меньше двигаться. Закрыв фуражкой лицо, продолжаю обдумывать свои планы. Чувствую, толкает кто то ногой. Приподнял фуражку, передо мной все тот же «рваные ноздри».

— Ты жрал что либо?

— Нет, — отвечаю.

— Ну, а кусать то хочешь?

— Нет, благодарю вас...

— Сммотри, тебе виднее. — И ушел.

Мой коллега по камере с удивлением посмотрел на меня, т. к. чека не кормила арестованных.

— А может хотите есть, то не стесняйтесь. Мой хлеб с колбасой к вашим услугам.

— Нет, спасибо, не хочу. — Подтянул ослабевший пояс.

Наступил вечер. Стали понемногу выводить на допрос. Слышу крики. Верно, бьют. Затем проводят под руки опрашиваемого. Кровь из носа течет, глаза заплаканные. Берут другую жертву, на этот раз женщину. Женщина, передергивая физиономией, идет на пытку. Опять слышатся дикие крики. Мой сосед по несчастью начинает нервничать. Переглянулись с ним, видимо, почувствовали одно и то же. Раздался звонок. Даму выводят. Высоко подняв голову, с бледным лицом, с раскрытым ртом и глазами проходит мимо нас несчастная...

К десяти часам вечера уводят моего коллегу и еще несколько человек с ним, а через двадцать минут разлетается первый залп в подвалах чека.

С минуты на минуту жду своего вызова. Начинаю нервничать. И, действительно, вскоре после залпа берут меня на допрос. В ушах звон. В глазах начинается темнеть. Вошел. Все та же комната, тот же стол, те же следователи, только множество капель крови на полу...

— Ну, что нового? — спросил следователь в казачьей форме, с курчавой шевелюрой и физиономией еврея.

— Ничего, — отвечаю «равнодушно».

— В партизанском отряде и организации с Калининым участвовал, это не секрет. Что же, я должен отвечать за тебя, идиот? Снимай свою куртку, — кричит он.

Хлыст снова поднялся над моей головой и опустился на спину. Больно стало. Кровь закипела. Удары повторились. Нет больше сил герпеть. Нужно бороться с последними силами и ударить его, а может быть лучше схватить натап, который лежит возле меня на столе? А если он разряжен? Не решаюсь, раздумываю. Удары продолжают... Один удар пришелся по голове. Я стал терять сознание. Мне казалось, что я медленно погружаюсь в воду...

— «» —

Раскрыл глаза. Полулежу на кожаном диване. В голове шум. С трудом встал, подошел к окну подышать свежим воздухом. В ногах чувствую слабость. Напротив окна ресторан «начсостава» чека. Слышу веселый, беспечный смех. Скрипка заливается. Звон бокалов напомнил давно минувшие дни... Итак, все кончено, все погребено. Прощай, молодость. Прощайте

счастливые дни.. Какой прекрасной казалась жизнь, как хотелось жить. Странно, как раньше я не чувствовал и не дорожил жизнью.. Но, неужели все кончено? Закрыв глаза, дрожь пробежала по телу.

Кто то сзади обнял меня. Испуганно оглянувшись, увидел отвратительную физиономию «рваных ноздрей».

— Савельев, голубчик, погляди, какой чудный вечер сегодня. Сколько молодых красивых женщин? Слышишь их смех.. А ты, дурак, от всего отказываешься. Ты слышишь, как играет скрипка? «Ей бо хорошо». Ты, молод, жизни еще не знаешь. Не жил, а идешь на необдуманные преступления. Что тебя толкнуло идти против нас, старых революционеров? Малый ты хороший. Крепкий, паренек. Нам нужны такие. Поступай к нам, в чека, работать тайным агентом. Хорошо будем платить. Если боишься мести своих казаков, переведем в другое место. Родителей возьми с собой. Как сыр в масле будешь купаться. Чего тебе больше? Расскажи все об организации. Подумай, слово за тобой, — закончил чекист.

Я уже стал колебаться. Может он и правду говорит, что так будет лучше. Закрыв глаза, мысленно представил своих приятелей, их братьев, сестер, родных. Предать таких же, как и я, для того, чтобы они страдали и мучились, как и я, забыть обещанную клятву, быть невольным убийцей тех, кто доверял мне еще вчера?

При этих мыслях мне стало невыносимо тяжело. Нет, этого не будет. Они хотят знать участников организации, арестовать их, а затем расстрелять вместе со мной. Нет, лучше положить мукам предел и чем скорее, тем лучше. Колебаться не стоит, нужно держаться прежних показаний.

— Ну, голубчик Савельев, каково твое решение? — не отстает чекист.

— Вы можете меня расстрелять, но после моего расстрела вы убедитесь в моей невинности. Еще раз могу повторить: в организации не состоял и членов ее не знаю. Сделайте очную ставку с есаулом Калининским. Он может подтвердить, — ответил я ему.

— Следовательно, не хочешь? Пожалеешь. Приговор сам себе подписал. — Подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал:

— Да, Савельев, не восстать тебе к веселью друзей.. Эй, ребята, позвать Сергея.

Входит человек.

— Машина готова? — спрашивает чекист вошедшего.

— Да, товарищ.

— Ладно, сейчас..

Я вышел в сопровождении чекиста. Волосы стали подниматься. Нервы напряжены. Спускаемся вниз. У проволочного заграждения знакомый мне автомобиль с пулеметом сзади. Кроме «рваных ноздрей» и двух следователей, шесть красноармейцев с карабинами. Автомобиль тронулся и полным ходом пошел по знакомым улицам города. Вероятно, везут на расстрел, мелькнуло в голове. Знать убьют не в подвалах чека.

Вдруг фонари автомобиля осветили группу воору-

женных людей с винтовками на изготовку. Уж не свои ли? — подумал.

— Кто едет?

— «Дочка» (т. е. Донская чека).

— Пропуск?

— Калуга.

— Есть такое дело, — слышался ответ.

Мы продолжали путь. Выехали за черту города. Машина круто свернула влево, выскочила на бугор и остановилась.

— Слезай, шпана!

Выхожу из автомобиля.

Ночь темная, небо тучами заволочено. Большие казенные учреждения освещаются электричеством. Вспарываюсь, чтобы хотя приблизительно определить дом, в котором родился и где провел свое детство.

— Вот тебе лопата, копай себе могилу.

Вдруг в стороне затрещал пулемет. Я, копая, прислушиваюсь. Не восстание ли? — пронеслось в голове. А может быть расстреливают.. Итак, прощайте, дорогие родители, папа и мама, Стася и дорогой мой, Тихий Дон. Меня расстреляли и закопали. Чувствую усталость во всем теле. Выпрямился, потянулся, легче стало. Ну, еще немного, а затем надо стать на колени, залп и — все кончено.

«Рваные ноздри», подойдя ко мне, спросил:

— Довольно с тебя такой ямы для вечного упокоения?

— Да мне, товарищ, теперь глубоко безразлично..

От удара кулаком по голове искры у меня посыпались из глаз. Скорей в машину и обратно в чека. Опять чека. Опять побои и нечеловеческие страдания. Словно сто пудов свалилось на плечи. Тяжело, невыносимо тяжело стало на душе. Хотелось плакать, но плакать не мог..

Меня поместили на старое место. Залп за залпом раздавались где-то в подвале. Усталый и голодный, свалился, как пень. Утром разбудили. Председатель потребовал к себе.

— Странно, — подумал, — утром на допрос?

Вхожу. Председатель один. Чекист протянул мне свою руку.

— Есть у меня новость. Вы свободны. Знайте, в тяжелую минуту я к вашим услугам, буду вам вторым отцом. За стойкость и справедливость жму крепко вашу руку от лица РСФСР. Вот ваши документы и пропуск.

Не поняв сразу за какую «справедливость», переспросил:

— Так что же мне делать?

— Это ваше дело, вы свободны. Делайте, что хотите. Предъявите пропуск и идите домой.

Сердце застучало. Как вор, озираясь, направился к выходу.

— Ваш пропуск, товарищ, — спрашивает часовой.

— Вот он.

Пропускает. Выхожу. Пулеметы остались позади. Вот и проволочные заграждения с консервными банками кончаются..

(Окончание следует).

ЕФ. ЯКИМЕНКО.

Последняя страница

Последняя глава IV-ой части «Трагедии Казачества» перенесла меня к тем последним дням на берегу Черного моря, свидетелем которых я был. Последние дни черноморской катастрофы запечатлелись в моей памяти с фотографической точностью.

Юнкерский батальон (Кубанско-Софийское училище и пластунские сотни Кубанского Алексеевского училища) занимали позиции в 15 верстах от г. Сочи, близ имения Дагомыс. Правый флаг батальона упирался в горную тропинку, охраняемую Кубанским Корниловским конным полком, а левый — спускался к морю. Участок шоссе и дороги и берег моря занимали пластуны.

Днем была зрительная связь, т. к. расстояние между флангами было не больше двух верст. С наступлением ночи зрительная связь была невозможна и время

от времени воинские части обменивались связью патрульных команд.

Патруль юнкерского батальона только что вернулся и доложил, что в расположении пластунов «все благополучно», как там, слева от нас, поднялся какой то шум. Тонкий слух улавливал шум свалки. Раздалось несколько выстрелов, слышался шум удаляющегося паровоза и — опять все тихо. Ничего тревожного в этом не было, т. к. не раз вечерами происходила перестрелка с красными, не раз приходили и отходили поезда в вечернее время.

— Узнаем после, — говорил есаул Трипольский, сотня которого находилась на самом левом фланге.

Проходит некоторое время. Уже время бы прийти пластунам патрулю для связи, а его все нет.

Есаул Трипольский посылает офицера с двумя юн-

керами к командиру батальона, полк. Головинскому, доложить о своих подозрениях.

Спокойно, как всегда, полк. Головинский выслушивает офицера. Потом берет своего адъютанта и направляется в расположение левофланговой юнкерской сотни.

Ничего нового от командира сотни, кроме того, что доложил посланный офицер, полк. Головинскому узнать не удалось.

Тут же решает он послать связь к пластунам. Офицер с пятью юнкерами со всеми предосторожностями, предписываемыми полевым уставом, отправляется к пластунам. Совсем близко подошел юнкерский патруль, но в расположении пластунов подозрительная тишина. Офицер берет одного юнкера и отправляется вперед. Остальным приказывает быть наготове.

Шоссе совсем близко. Тишина.

— Кто идет? — тихо окликают с шоссе.

— Свои! — так же тихо отвечает офицер.

— Что пропуск? — повторяет тот же голос...

Офицер чувствует, что здесь уже нет пластунов, но все же тихо говорит:

— Казань!..

В ответ раздался залп. За первым — второй, третий. Юнкеру С., бывшему с офицером, пуля обожгла левую щеку. Спешно, но без паники, отошел патруль к своему флангу. Полк. Головинский и есаул Трипольский еще до прибытия патруля поняли, в чем дело.

Спокойно выслушал полковник доклад патрульного офицера и распорядился сейчас же послать конный раз'езд по проселочной дороге, которая проходила через расположение юнкеров в сторону главного шоссе, чтобы узнать, свободен ли выход на шоссе и, если возможно, связаться с отошедшими частями.

Направившегося с раз'ездом хорунжего С. обстреляли при выходе дороги на шоссе. Португей-юнкер П. был довольно тяжело ранен.

Все стало ясно. Отрезаны, Пластунов сбили неожиданным наскоком и, вероятно, большевики теперь двигаются к г. Сочи, а может быть и заняли уже этот город.

Юнкерский батальон отрезан. Это уже третий раз, начиная от Туапсе, батальон попадает в такую историю.

Было совершенно непонятно, почему юнкеров, как и ученический батальон, ни разу не оставляли на позиции на шоссе, а почти всегда к горам? Теперь только становится это несколько ясным, после того, как опубликованы некоторые документы в IV-ой части «Трагедии Казачества», что кто то выполнял какой то «свой план», иначе, если бы юнкерам поручили участие на главном шоссе, то, нет сомнения, что они не раз «втерли б носа» красным.

Чтобы выйти из нового окружения, приходилось всю надежду возложить на спокойствие полк. Головинского, на дисциплинированность, отвагу и выносливость юнкеров. Была послана связь и на правый фланг, но там ничего не знали. Там было спокойно.

Полк. Головинский собирает всех офицеров, излагает им обстановку и ставит вопрос: что делать дальше?

Как принято в военном мире, сперва спрашивается мнение самого младшего.

Хорунжий Б. ответил довольно коротко и ясно:

— Сейчас произвести разведку и ударить на противника, занявшего шоссе, ударить с двух концов: тут и при выходе проселочной дороги на шоссе. Дальше двигаться на Сочи. Прорвавшегося противника мы настигнем, не допустив его до города. Нет оснований полагать, что их прошло на Сочи много.

Как потом оказалось, если бы поступили именно так, то, вероятно, не пришлось бы большевикам диктовать условия сдачи армий или, во всяком случае, условия эти были бы несколько иными.

Большинство командного состава остановилось на том, чтобы найти проводника и тропинками через лес отойти на Пластуновку, минуя г. Сочи, и дальше на Мацесту и Хосту, а там, связавшись со штабом, уже действовать по его указанию.

Проводник был найден, который обещал вывести к реке Сочи, но просил его отпустить, как только станет светать.

Послать на правый фланг предупредить конницу, но там уже никого не было. Двинулись лесными, плохими дорогами. Скользко и грязь. Спотыкаемся о корни и пенки. Ветки цепляются за одежду. Царапают лицо, руки, но идем быстро, т. к. проводник едет верхом на лошади.

Рассвет уже обозначился. Ориентируемся. Река Сочи близко, как и сам город. Нужно идти по дороге влево.

После привала, двигаемся дальше уже не с такой поспешностью, как вначале, т. к. считаем, что главная опасность миновала.

Рассвело. Приближаемся к реке. Разведка донесла, что есть какое то подобие моста, хотя можно перейти реку и вброд. Весь батальон выходит из леса, который в этом месте уже совсем редкий. Недалеко от переправы замечаем несколько солдат. Это большевики, наблюдающие за переправой. Остается загадкой, как их не обнаружила разведка и как они не заметили ее, хотя, по их уверению, все время были здесь.

В их сторону немедленно направляется целый взвод. Они сначала было бросились бежать, но видя, что уйти им не придется, на приказание взводного офицера, остановились.

Привели их к полк. Головинскому. Из их рассказов выяснилось, что пришли они в Сочи на рассвете, сбив какие то заставы на шоссе (то были пластуны). Выяснилось также, что всего один батальон, численностью человек в 400, занял Сочи.

— Другие товарищи, — говорит старший из них, — придут сегодня к обеду.

Полк. Головинский, переглянувшись с другими офицерами, посмотрел на хорунжего Б. Они поняли, что, если бы направились по шоссе на Сочи, сняв сторожевое охранение большевиков, то ни один красноармеец не ушел бы, не пришлось бы идти с такой поспешностью лесом, не говоря уже о моральном значении такого шага. Победителей, ведь, не судят...

Переправились через реку и в Пластуновке встретились с бригадой ген. Шинкаренко. Тут нас ждало приказание двигаться на Мацесту. Каждому юнкеру было уже ясно, что, поведи сейчас наступление на Сочи хотя бы теми силами, которые есть налицо — юнкерский батальон и бригада конницы, — от тех большевиков, которые заняли город, остались бы рожки да ножки. Но наступать никто не собирался.

Подкрепились, кто чем мог, и двинулись через гору на Мацесту. Гора была высокая и крутая. Уставшие, с трудом мы ее перевалили. По течению реки двинулись к мосту. На мосту через реку Мацесту стоял ген. Морозов. Раздалась команда: «Смирно, г. г. офицеры!» Но ген. Морозов не поздоровался, а только отковырнул и позвал к себе полк. Головинского. Батальон перешел через мост и на повороте шоссе остановился для привала.

Солнце уже заканчивало свой дневной путь и только верхушки гор и кое где деревьев еще освещались его лучами.

До г. Хосты, куда, согласно приказа, мы должны были двигаться, было еще верст 15. Нужно было послать квартирьеров.

Когда квартирьеры уже были готовы, со стороны Сочи к мосту, на котором стоял ген. Морозов, под'ехал автомобиль. Из него вышло два военных, поздоровались с генералом. Квартирьеры скрылись за поворотом и больше ничего не видели.

Прибыли в Хосту. Тут выяснилось, что квартир сколько угодно, но... только в лесу, под деревьями. Часа через полтора подошел и батальон. Здесь мы впервые услышали, что большевики предлагают мир. Никто точно не знал, на каких условиях, но слухи подействовали угнетающе. Здесь была у нас дневка, а на другой день рано, на рассвете, мы двинулись в Адлер. Отдохнувшие, подкрепившиеся пищей, шли бодро, весело, с песней. Разговоры о мире казались абсурдными. Никто в это не верил, а, наоборот, ходили слухи о том, что какие то конные полки уже перевалили через перевал и громят большевиков на Кубани. Другие говорили, что уже Кубань восстала и оттуда пришли делегаты с просьбой идти на Кубань. Все это, для меня, по крайней мере, участника первого

похода, казалось правдоподобным, т. к. во время первого похода такие случаи были.

По дороге встречали воинские части, стоявшие бивуаками около шоссе. Молодецкий вид юнкеров, идущих с песней, привлекал внимание казаков. Обгоняли группы беженцев, порой исхудавших стариков. Жалко было на них смотреть. Юнкера давали им сахар, которого накануне нам выдали довольно много (вероятно, чтобы не бросать большевикам).

— Спасибо, сынки, спасибо, — говорили старые казаки.

Ну, вот и Адлер. Весеннее солнце уже подбирается к обеду. Все кругом хорошо, картинно. Природа, совсем проснувшаяся после зимней спячки, улыбается несчастным людям всей своей красотой. Вошли в город. Квартиру нам отвели в каком то большом... молодом саду.

Тут в Адлере, подтвердился слух о мире с большевиками. По рукам ходили отпечатанные на машинке условия мира, продиктованные большевиками.

Находясь все время на передовых позициях, порой в самых ужасных дырах, мы не знали общей обстановки и то, что теперь рассказывали другие и что мы видели сами своими глазами, было для нас новостью.

Обед по тогдашней обстановке был приготовлен довольно роскошный: «ширапельный» суп с консервами и какая то каша. Крупу, из которой она была сварена, определить было трудно. То, что осталось на кухне, было роздано подходившим голодным.

После обеда обстановка изменилась. Какое то нервное состояние овладело всеми. Каждый чувствовал, что что то, где то происходит...

Скоро были опрошены все первопоходники и составлен им список, т. к. командный состав училища выяснил, что они, первопоходники, подходят под параграф «уголовных преступников», согласно большевистским условиям мира.

Нас, первопоходников, нашлось десятка три, но тут же мы решили, что уходить мы никуда не будем и целым юнкерским батальоном останемся вместе до последнего момента, чтобы нам ни угрожало.

В тогдашних условиях, при полном упадке духа и дисциплины около пятисот юнкеров, дисциплинированных, не изнуренных голодом (во все время отступления, хотя и слабо, но подвоз продовольствия был. Вывезенные же из Екатеринодара средствами военных училищ продукты поддерживали юнкеров и голода, как такового, они не знали), решительных и смелых, во главе с хорошими начальниками, представляли не шуточную силу.

Помню, после того, как первопоходники отказались покинуть юнкеров, было созвано совещание старших начальников. На совещании были офицеры, до командиров сотен включительно. Мы, взводные офицеры, на него допущены не были. Там было принято какое то важное решение. После, на пароходе, я спрашивал своего командира сотни, есаула Трипольского, о том, какое же решение было принято на совещании?

— Теперь это, когда мы на пароходе, не играет

роли, — ответил он, — но решение было такое, что если бы мы стали проводить его в жизнь, то небу было бы жарко. Помнишь бой под Медведовской? — спросил он меня.

— Конечнo, помню, — ответил я...

— Ну, значит, все понял!

Я все таки ничего не понял. Какое может быть сравнение: бой под Медведовской и решение, принятое на собрании в Адлере... Свое «непонимание» я высказал командиру сотни.

— Да в каком мы были положении после Екатеринодара до Медведовской? В безвыходном?

— Да, — согласился я...

— Вот и тут должна была произойти своя Медведовская...

Больше я его ни о чем не спрашивал.

Вечером мы спокойно поужинали и разложили костры. Иные спали, — иные бодрствовали. Пишущий эти строки был дежурным офицером по батальону. Полк. Головинского весь вечер не было в штабе. Он вернулся около полуночи и приказал позвать г. г. офицеров.

Когда они собрались, он приказал им немедленно разбудить юнкеров, построить и двигаться к берегу моря. Перед оставлением бивуака, разложить костры.

Юнкера прибыли на берег моря. Здесь уже их ждал командир батальона. Приказал занять посты на пристани. Подошел катер и началась погрузка. В порядке, но быстро грузились юнкера. Катер отвозил на пароход, стоявший на рейде, недалеко от берега. Последними на катер погрузились командир батальона полк. Головинский, его адъютант, служба связи, дежурный офицер. В катере еще было место. На берегу маячило несколько казаков. Полк. Головинский позвал их и предложил грузиться. Все, человек 12-15, с радостью согласились.

На этот же пароход оказались погруженными и юнкера конной сотни, бывшие в конное Атамана Букретова. Погрузились артиллерийское и инженерное отделение Кубанского Алексеевского училища.

Солнце уже подбиралось к завтраку, когда к пароходу под'ехала моторная лодка, в которой был полк. Дрейлинг с несколькими офицерами. Он вызвал полк. Головинского к борту парохода и довольно громко спросил его:

— Ген. Морозов только что телефонировал и просил доложить ему, кто отдал распоряжение о погрузке юнкеров?

Полк. Головинский ответил ему, что «среди военачальников есть такие, которые в критический момент способны взять на себя ответственность. К таким принадлежу и я. Так и доложите ген. Морозову», — закончил он и отошел от борта. Однако, было отдано распоряжение быть «готовыми».

Через час я сменился с дежурства и лег спать. Проснулся я, когда пароход уже поднял якорь. Берега были хорошо видны. На душе было нехорошо. Видимо, она чувствовала, что надолго покидает родную землю. Болела душа и о тех, кто был брошен на берегу...

КАЖДЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ЛЮБИТЬ ВСЕ КАЗАЧЕСТВО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЕБЯ САМОГО — ОДНОГО КАЗАКА.

КАЖДОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО ДОЛЖНО ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ ВОЙСК ПОСТАВИТЬ ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ СВОИХ — ВЫШЕ ИНТЕРЕСОВ ОДНОГО ВОЙСКА. ЭТО БУДЕТ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ, И НАИЛУЧШЕЙ СЛУЖБОЙ СВОЕМУ ВОЙСКУ, ИБО

СПАСЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ — В ОБЪЕДИНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК В ОДНУ СИЛЬНУЮ КАЗАКИЮ.

ВНЕШНИЙ МИР С КАЗАЧЕСТВОМ РАЗЪЕДИНЕННЫМ ГОВОРИТЬ НЕ БУДЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ВНЕШНИЙ МИР БУДЕТ СЧИТАТЬСЯ С ЕГО ИНТЕРЕСАМИ, ТОЛЬКО ОБЪЕДИНЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО МОЖЕТ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОМОЩЬ ВНЕШНЕГО МИРА В БОРЬБЕ СО СВОИМИ ПОРАБОТИТЕЛЯМИ...

А. ЛЕНИВОВ.

Участие Донских казаков в Куликовской битве

Определяя участие Донских казаков в Куликовской битве, как **неопровержимый исторический факт** и, из сопоставления определенных данных делая вывод, что **Семен Мелик** с своею дружиною суть **Донские казаки**, перешедшие на сторону вел. кн. Дмитрия Иоанновича, основанием настоящего трактования определяем ряд формулированных предпосылок...

Известно, что вел. кн. Дмитрию Иоанновичу были поднесены две иконы со стороны Донских казаков, именно, икона Донской Божией Матери и икона Гребневской Божией Матери. Не зная сути обстановки, значит удивляться странному факту наличия двух подношений от Донских казаков, имеющих разномыслие наименования... Однако, исследуя вопрос этот, легко можно установить, что икона Донской Божией Матери поднесена Донскими казаками вел. кн. Дмитрию Иоанновичу в канун Куликовской битвы, а икона Гребневской Божией Матери уже после означенной битвы. Более того, согласно записи на копии иконы Донской Божией Матери, сохранявшейся в Черкасском монастыре, явствует, что икона эта поднесена вел. кн. Дмитрию Иоанновичу казаками Сиротинского городка.

Подобным образом следует вывод, что в Отряде **Семена Мелика**, перешедшего от татар к вел. кн. Дмитрию Иоанновичу, находились не только казаки Сиротинского городка, но казаки и иных городков, если обратить внимание на фамилию самого предводителя **Семена Мелика!**

Еще в наше время существует на Дону — ст. **Мелиховская**, около которой, как известно, насыпаны старинные пять курганов, имеющие в просторечии наименование «Пять братьев», а равно культивируются виноградники. Как курганы, так и виноградники (существующие истари) указывают на наличие местности, излюбленной населением по своему характеру (нагорный берег р. Дона).

Подтверждение делаемому предположению можно найти в грамоте митрополита Феогноста, данной им в 1342 г. в г. Сарае, согласно коей следовало полное освобождение от церковных налогов виноградников, которые, как известно, существуют лишь на низменном Дону, а именно: ст. ст. Цымлянская, Кумшакская, Раздорская, Мелиховская, Бесергневская и т. д. Стоит лишь взять корни наименований приведенных станиц и, многое станет понятным — Цымла, Кумшак, Раздор, Мелих (Мелик), Бесерень...

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, обратим внимание на сочетание наименований — **Мелика** (вождя Донских казаков, участников Куликовской битвы) и ст. **Мелиховской!** Делая вывод, не ошибемся, если посчитаем **Семена Мелика** и некоторых его соратников уроженцами старинного Мелиховского городка.

Далее вдумаясь в смысл наименования **Гребневской иконы Божией Матери**, также поднесенной Донскими казаками вел. кн. Дмитрию Иоанновичу, но уже после Куликовской битвы... Для подобной цели, попросту открываем книгу Большого Чертежа времени царя Бориса Годунова, где читаем: «Ниже Тора, в 30 вер. от него Бахмутовка, в 15 вер. от нее перевоз Боровской, от него в 2 вер. Белый Колодезь, а после другой Белый Колодезь, а выше него Савин. От другого Б. Колодезя в 8 вер. Лугань, а от нее в 5 вер. Луганчик, а в 5 вер. от него Сизые горы. В 3 вер. от Б. Колодезя р. Каменная, 5 вер. от нее р. Каменка, ниже Лихой колодезь (речка), под ним ниже **Гребенные горы**, берегом до него 40 вер., а степью 10 вер. Между **Гребенных гор** и Лихим колодезем перевоз Татарский, а ниже 60 вер. р. Кундюряча, а от устья ее до устья р. Донца 10 вер.»

Итак, документально устанавливается наличие **Гребенных гор** на Дону, в период времени предшествовавший составлению т. н. книги Большого Чертежа (т. е. до 1552 года); документально определяется факт

подношения вел. кн. Дмитрию Иоанновичу со стороны Донских казаков т. н. **Гребневской иконы Божией Матери**. Вывод: **последняя икона** наименована **Гребневской** в силу того, что была поднесена Донцами, проживавшими в области **Гребенных гор** (район современных станичных смежных юртов ст. Новочеркасской, Владимирской, Каменской, Гундоровской, Митякинской и Луганской).

В силу существующей записи ко вкладной книге иконы **Гребневской Божией Матери**, где говорится: «там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовомый казаки, в радости сретаяща его со святыми иконами и со кресты, поздравляюще его о избавлении своем от супостатов, и приносяще ему дары от своих сокровищ, иже имеху у себя чудотворные иконы в церквах своих», следует, что означенная икона **Гребневской Божией Матери** поднесена Донскими казаками уже после Куликовской битвы, в частности казаками, проживавшими в районе **Гребенных гор**, отчего икона и получила свое наименование.

Наверяд-ли кто из историков (тем более русских) занимался изучением вопроса вообще, не только об участии Донских казаков в Куликовской битве, но в равной степени и выяснением положения, почему вел. кн. **Дмитрий Иоаннович** наименован в истории «**Донским**», почему в Москве был возведен монастырь, названный «**Донским**», и почему, наконец, возымела особое почитание икона Божией Матери, именуемая «**Донской**»?

В приводимых моментах обозначается повсюду наименование Дона, почему казалось-бы весьма существенным привести аргументацию приобщения означенного наименования (Дона) — к людям, отдельным личностям, предметам религиозного культа и церковным памятникам, имеющим отношение или связанное в той или иной степени с Куликовской битвой.

В самом деле, почему вел. кн. **Дмитрий Иоаннович** увековечен в русской истории эпитетом «**Донской**»? Обусловим в предположительной форме, что подобный эпитет приобщен к его имени в силу того, что столь знаменательное событие, как Куликовская битва, имела место на берегах именно р. Дона... Но, почему, тогда, **Донской ставропигиальный монастырь** в Москве носит наименование именно «**Донского**»? Можно было-бы также полагать, что означенный монастырь был воздвигнут в честь победы над татарами в Куликовской битве, имевшей место на берегах р. Дона. Однако, исторические факты, имевшие место по времени, указывают на совершенно превратное явление, или всецело ускользнувшее от внимания историков, или сознательно ими замалчивавшееся!..

Начнем с того, что на следующий день после Куликовской битвы вел. кн. **Дмитрий Иоаннович** приказал приступить к погребению многочисленных трупов своих воинов, которые были положены в огромные могилы, вырытые на правом берегу р. Непрядвы. Ввиду того, что Куликовская битва происходила в день праздника Рождества Богородицы (8-го сентября), вел. кн. **Дмитрий Иоаннович** указал поставить деревянную церковь во имя праздника Рождества Богородицы — в голове могил, направлением на Восток. Более того, в увековечение торжества победы над татарами, повсюду были построены монастыри и церкви во имя Рождества Богородицы, например: т. н. Бобровский монастырь Рождества Богородицы в Коломне, Рождественский женский монастырь в Москве на Кучковом поле, церковь Рождества Богородицы на Солянке и в старой Симоновой слободе и т. д.²⁾ Подобным образом устанавливается, что: «в память незабвенного дня бессмертной **Куликовской битвы**» (согласно утверждения одного из русских историков), повсеместно было воздвигнуто мно-

го т. н. «рождественских храмов», но отнюдь не Донской ставропигиальный монастырь...

Только при царе Федоре Иоанновиче, именно в 1591 году, по освобождении Москвы от полчищ Крымского хана Казы-Гирея, был поставлен в Москве т. н. **Донской Монастырь**³⁾, согласно обнародованному заявлению Московской власти — для торжества значимому образу Донской Божией Матери. Считая от указанной даты, икона Донской Божией Матери стала иметь свое постоянное местонахождение в Донском монастыре.

Какие же, собственно, мотивы побудили московских правителей к построению означенного монастыря?.. Вряд ли был подвергнут критическому исследованию и этот вопрос со стороны русских историков. Между тем, установлением сего положения выяснилось-бы весьма многое в отношении детального уяснения участия Донских казаков в Куликовской битве...

В кратких словах будет отмечено, что в августе 1542 года на Куликовом поле произошла новая битва между Крымскими татарами хана Саин-Гирея и московскими войсками под командой боярина князя Пронского и князя Деева⁴⁾, причем последние в полной мере повторили маневр князя Вольнского-Боброка (в 1380 году), выделив засадный полк. Явившись победителями в означенном сражении, москвичи не нашли ни деревянной церкви во имя Рождества Богородицы (заложенной вел. кн. Дмитрием Иоанновичем), ни могил погибших воинов в Куликовской битве 1380 года, ибо все было разрушено при прохождении орд Тамерлана в августе 1395 года.

Казалось-бы, что в описываемую эпоху особым почитанием должны были-бы пользоваться т. н. рождественские монастыри, однако, в действительности возмел культ почитания чудотворной иконы Донской Божией Матери, сохранявшейся впредь в нововоздвигнутом Донском монастыре (в 1591 году)... В Москве.

Что же представляет собой икона Донской Божией Матери, каково ее происхождение? Русские историки желали увековечить в истории наименование иконы Донской Божией Матери за соборным образом Коломенского собора⁵⁾, которым епископ Герасим благословил вел. кн. Дмитрия Иоанновича!.. Не следует, однако, забывать, что подобными иконами был благословляем последний и со стороны Крутицкого епископа Матфея и игумена Сергия Радонежского. Почему-же в положении таком одна икона была-бы возвеличиваема, при забвении других?..

Известное раз'яснение в означенном отношении можно находить в том, что все без исключения русские летописи страдают наличием множества анахронизмов, чтобы не сказать попросту обилием ложных измышлений. Делая подобную оговорку, надлежит отметить, что согласно Никоновской летописи, Московский митрополит Киприан благословлял в Москве вел. кн. Дмитрия Иоанновича перед Куликовской битвой, как пстом и встречал последнего в Андрониевом монастыре, уже как победителя Мамай; между тем российский официальный историограф Н. М. Карамзин установил, что митрополит Киприан прибыл из Киева в Москву в мае месяце 1381 года⁶⁾ следовательно 8 месяцев спустя после Куликовской битвы, иначе говоря ошибка Никоновской летописи в данном случае, устанавливается непреложным образом!!!

Делая соответствующее сравнение между приведенным и тем текстом, который начертан в «Слове известном» во вкладной книге Донского ставропигиального монастыря в Москве, а именно: того ради пследи прославися образ Пресвятыя Богородицы Донские, зане великому князю Дмитрию Иоанновичу Донские казаки, уведаша о пришествии великого князя Дмитрия Иоанновича в междуречии Дона и Непрядвы, вскоре в помощь православному воинству пришли бяше и сей Пречистые Богородицы образ в дар благоверному и великому князю Дмитрию Иоанновичу к всему православному воинству в сохранение, а на побеждение нечестных агарян вручили», легко устанавливается, что чудотворным и почитаемым образом Донской Божией Матери является образ Донской Божией Матери (Пресвятыя Богородицы), поднесенный вел. кн. Дмитрию Иоанновичу со стороны Донских казаков...

Итак устанавливается, что Куликовская битва с татарами происходила на берегах р. Дона, что в помощь вел. кн. Дмитрию Иоанновичу вместо тщетно ожидаемых ополчений удельных князей, явились неожиданным образом Донские казаки во главе с Семеном Меликом из татарского стана, поднесшие икону, именную иконой Донской Божией Матери, сохранявшейся от конца ХУI ст. в специально построенном Донском ставропигиальном монастыре в Москве, причем в период времени последующий за Куликовской битвой вел. кн. Дмитрий Иоаннович получил наименование «Донского»...

В целях уяснения истины следует помнить, что Куликовская битва происходила в пределах не Московского, а Рязанского княжества, юго-восточные границы коего соприкасались с периферией области т. н. Черленого Яра (местность по левому берегу р. Дона, от устья р. Медведицы до р. р. Хопра и Волги), где проживали донские казаки, естественно минуя область т. н. Дикого Поля. В соответствии с указанным, эпигет «Донской» приобщенный к имени вел. кн. Дмитрия Иоанновича подчеркивал наглядным образом, что победа на Куликовом поле на берегах р. Дона была одержана при посредстве Донских казаков, как установление начала некоей общности между вел. кн. Дмитрием Иоанновичем и Доном (в понимании известного территориального пространства).

Вот почему, вел. кн. Олег Рязанский, бежав со всем своим семейством из Рязани в Литву, с получением известия о победе москвичей на Куликовом поле, должен был пойти на принятие униженных условий при примирении, а именно, свое возвращение на Рязанский престол в 1381 году Олег Рязанский обрел путем женитьбы сына своего Федора на дочери вел. кн. Дмитрия Иоанновича, заключением с последним наступательно-оборонительного союза, а равно признанием р. Оки (вверх от г. Коломны по р. Цну) границею между Московским и Рязанским княжествами, причем рязанский город Тула был взят Дмитрием в качестве опорного пункта против нападений татар⁷⁾.

В дальнейшем, с началом ре-эмиграции Донских казаков из пределов Рязанского княжества в начале ХУI ст. в области Черленного Яра и нижнего Дона, в минуты, когда границы великого княжества Московского оставались открытыми для вторжения орд Крымских татар (примеры: битва московских войск с крымскими татарами Саин-Гирея на Куликовом поле в 1591 году и т. д.), проводима была двойная политика Москвы, имевшая подчеркнуть, с одной стороны связь Москвы с Донскими казаками, с другой стороны определить зависимость последних от Москвы. Только в означенном определении возможно уяснение подобных фактов, как начавшееся величание иконы Донской Божией Матери с начала ХУI ст., как построение Донского монастыря в Москве в 1591 году, с одновременным приписыванием к вотчинам последнего села Рождествина — Монастырщины (включавших Куликово поле), по указу патриарха Иова, так и прямым наложением Борисом Годуновым руки на свободный Дон, путем засылки из Москвы боярского сына Петра Хрущова, как назначенного «готову» к Донским казакам.

Один из современных казачьих историков объясняет ключ: «сарынь на кичку», как призыв: «христиане на корму», указывая при этом, что «во время подавления Булавинского восстания Петр I-й называет Донских казаков в своем указе кн. Долгорукому — сарынью, очевидно, он знал происхождение Донских казаков и принадлежность предков их к Сарской епархии, оно в его время еще не было искажено русскими исследователями⁸⁾. Действительно, принадлежность Донских казаков к Сарской епархии устанавливается несомненным образом, благодаря наличию дошедших до нашего времени грамот митрополита Феогноста (1334-1353 г. г.) и митрополита Алексея (1360 г.), с благословением: «ко всем христианом, обретающимся в пределе Черленого Яру и по караулом возле Хопор, до Дону, попом и диаконом, и баскаком, и к сотником, и к бояром». Из приведенного видно, что Донские казаки являлись не только христианами, принадлежавшими к составу Сарайской (Подонской) епархии, имевшей епископскую резиденцию в

г. Сарая, где имели местопребывание татарские ханы, но еще: «военное устройство (сотники, караулы) указывает на то положение населения Подонской епархии, которое оно занимало в составе Золотой орды».

Ясным и понятным становится участие Донских казаков в рядах татарских полчищ, если учитывать, что с занятием их территории татарами, казаки были вынуждены признать ханскую власть. Также понятным будет и тот факт, что, несмотря на религиозную веротерпимость со стороны татар, Донские казаки во главе с Семеном Меликом передались в канун Куликовской битвы на сторону вел. кн. Дмитрия Иоанновича, желая сбросить тем самым татарское иго.

Всесторонне исследовав вопрос об участии Донских казаков в Куликовской битве, используя все исторические акты, документальные данные и исторические труды, включительно до стариннейшего иностранного написания XV стол. «Wandalia libr.» — где имеются первые указания о Куликовской битве, считаем, что не имеется более никаких оснований к тому, чтобы почитать основой участия Донских казаков в Куликовской битве всего лишь одни предания, когда налицо имеются ценнейшие документальные данные.

Литература:

1) «Книга глаголемая (Большой Чертеж) — изданная по поручению Имп. О-ва Ист. и Др. — Г. И. Спасским. Москва. 1846 г.

2) Н. М. Карамзин: «История Государства Российского». Т. V., стр. 237-239. Прим. 428 и 429. И: Остроумов: «Храм Рождества Пр. Богородицы, что на старом Симонове». Москва. 1912 г.

3) «Историческое описание Тульской губернии» (Графа — Коломенская иерархия). Москва. 1849 г.

4) Н. М. Карамзин: «История Государства Российского». Т. VIII., стр. 47., прим. 125:

5) «Историческое описание Тульской губернии» (графа — губернская иерархия., прим 41). Москва. 1849 г.

6) Н. М. Карамзин: «История Государства Российского», т. V., прим. 60, 65 и 88.

7) «Собрание государственных грамот», т. 1., прим. 32.

8) Ген. И. Быкадоров: «Донское войско в борьбе за выход в море», т. 1., стр. 8. Париж. 1937 г.

Страница молодых казачат

(МОЖНО ЧИТАТЬ И ВЗРОСЛЫМ).

ГАВРИИЛ ПАВЛОВ.

Рассказы старого дедушки молодым внукам

(Окончание).

II.

К вечеру мы подходим к Дону, к Старочеркасску, где я увидел много народу, толпившегося около моста. Тут дедушка встретил своих приятелей и, после приветствий, все вместе отправились мы прямо в собор.

Подходя к собору, мы увидели много людей с обнаженными головами. Сразу нам не пришлось попасть в собор, т. к. он не мог вместить всех.

Кончилась вечерня. Друзья дедушки пригласили нас на вечерю. Мне не хотелось идти, не повидав цепей, но послушаться я не мог. К тому же, дедушка сказал, что завтра будет меньше народу и мы свободно осмотрим собор и цепи.

Пришли к дедушкиным знакомым. Повечеряли. Я лег спать, а дедушка и его друзья еще сидели за столом вина и вели разговоры. Затянули и старинную песню...

Утром все мы пораньше пошли в собор. И вот тут то, при входе в собор, я действительно увидел висящие на стене цепи. Я долго рассматривал их и все думал: как же эти цепи мог порвать человек? Я решил подробнее расспросить о том дедушку, когда вернемся к себе домой.

После обедни пошли опять к тем знакомым, у которых вечерами и ночевали. После обеда дедушка повел меня по городу и по-загородом.

Помню, дедушка показал мне какие то два длинных земляных вала, почти сравнявшихся с землей.

— Когда то тут, внучек, казаки строили крепость из земли для защиты от турок и бусурман, — поясняет дедушка.

— Почему же, дедушка, эта крепость не с захода солнца? Ведь ты же мне сказал, что турки, да бусурмане приходили с захода солнца? А крепость как раз с востока и частью с севера? — переспрашиваю я.

Дедушка замаялся, но видя, что от меня так не отделаться, поясняет:

— Видишь, мой внучек, я уже тебе говорил за Разина. Так это когда он не хотел царю подчиниться, то царь разгневался и стал присылать своих солдат, чтобы Степана Тимофеевича поймать да в острог посадить. Тогда и валы эти казаки делали...

— Дедушка, значит его солдаты царские поймали? — попытывался я.

— Нет, — отвечает дедушка, — не с ихним носом было его поймать. Да и никогда солдаты казаков не ловили... Для того, чтобы поймать одного казака, нужно было послать двадцать русских солдат, а на такого, как Разин, нужно было 100 солдат и те бы не поймали, ведь он одним своим взмахом убивал доразу 20 солдат.

— Наверно, дедушка, он был большой. Больше еще, чем мой брат Илья?

— Да, большой был...

Помню, мой старший брат, при входе в дом, всегда сгибался. Был очень высокий и широкоплечий и, бывало, при драках в станице, сбивал с ног троих сразу. Вот я и подумал, что, значит, Разин был еще больше и еще сильнее.

— Почему же он взбунтовался, дедушка?

— А вот я тебе скажу, почему. Когда то на Дону казаки жили сами себе, имели своего Атамана и никому не подчинялись. И вот узнал царь русский и стал покупать некоторых казаков за золото, да серебро, — поясняет дедушка.

— Да кто же их водил на ярмарку? — спрашиваю дедушку.

— Да никто. Они сами пошли. А хорошие казаки не захотели ни золота царского, ни серебра московского, а пошли со Степаном Тимофеевичем Разным отстаивать свое казачье право для того, чтобы жить у себя на Дону и никому не подчиняться. И вот тут то те казаки, которые продались русскому царю, и пошли против Разина, да еще в помощь себе покликали русских лапотников на Дон. И стали, вместе с лапотниками, ловить Разина и тех казаков, которые были с ним.

— Поймали? — перебиваю я дедушку.

— Нет, не поймали.

— Дедушка, ты говоришь, что не поймали, а как же его вот в те цепи забивали?

— Тьфу, внучек, да дай же мне договорить, — перебивает меня дедушка. — Было так. Как только Степан Тимофеевич прослышал, что его и его товарищей русский царь и воеводы хотят поймать, так он сейчас же ушел с Дона на Волгу и сделал засаду на русских воевод, переловил их, много побил и много в плен забрал...

— Зачем же он с Дона ушел? — опять не вытерпел я...

— А, внучек, — говорит дедушка, — это потому, что он был казак, а потому и не хотел драться с казаками. Ушел, чтобы не проливать кровь казачью.

— Дедушка, а почему же его русские воеводы не поймали?

— Ну, где им было поймать! Это был дюже умный казак. Может быть, внучек, не скоро такого казака, как он, мы дождемся.

— Дедушка, — опять говорю ему, — а кто же его заковал в цепи? Я, дедушка, ничего не понял.

— Тьфу, внучек, как же это ты не понимаешь? Ну, уж я тебе расскажу. Давай вот сядем на этот камень, а то я уже уморился.

Солнышко близилось к вечеру. Мы присели. Я приготовился слушать и, как сейчас, запомнил дедушкины слова.

— Э... э, внучек, ты хочешь знать, кто его заковал в цепи?

— Да, дедушка.

— Ну, вот его заковали свои казаки и продали русскому царю за золото да серебро, а вместе с ним и всех его славных сподвижников, которые не хотели, чтобы русские лапти приходили к нам, на Дон, и командовали казаками.

Дело было так, — продолжает дедушка, волнуясь и вздыхая. — У Разина был крестный отец, который и был Атаманом на Дону. Но он не любил своего крестника за его добрую казачью душу и за его казачью храбрость. А, главное, боялся, чтобы Степан Тимофеевич не отнял у него атаманского места. Стал хитрить, чтобы как нибудь поймать его и отправить русскому царю в Москву для того, чтобы выслужиться перед ним и русскими лаптями. И вот, если бы не свои казаки и не крестный отец (Корнила Яковлев), никогда Разина и его храбрых казаков русские не побили бы. И не был бы Разин пойман и отвезен в Москву, и не был бы казнен русскими палачами.

Рассказ дедушки меня смутил. Слова его на меня в то время так повлияли, что я, по приходе из Старочеркасска, больше не хотел здороваться со своим крестным отцом, который жил по соседству и даже старался при встрече обходить его. Я думал, что, значит, это крестные отцы продают хороших казаков...

Солнце заканчивало свой дневной путь, когда мы с дедушкой пошли к его приятелям, у которых ночевали.

— Тьфу, Епиша, штой то вы там так долго ходили? — встретил дедушку и меня его друг.

— Да што жа, — отвечает дедушка, — знаешь сам, што... Раз привел казака и обещал все показать и рассказать, то уж сам знаешь, что уже никакими мольбами ни отделаешься. Да и видишь же сам, какой он довольный, что пришел в старый город.

— Ну, а все ли ты ему показал?

— Да, — говорит дедушка, — все...

Я, конечно, стою и слушаю, как два старика между собою разговаривают. И вот дедушкин друг обращается ко мне и спрашивает:

— Ну, что, казак, все видел? Нравится тебе старый город?

— Да, — отвечаю я, — все нравится...

— Вот это хорошо, — говорит он. — А теперь пойдемте вечерять, а то там нас бабка ждет.

Пришли в хату, сели за стол, начали вечерять. Я прислушиваюсь, что они говорят и вот слышу:

— Ну, что же, Епиша, распедал все своему внуку про казачью былую старину?

(Уже старики подпили, а раз подпили, то и разговор пошел веселее.)

— Да, — отвечает дедушка, — все ему рассказал. Да только вот видишь, что вот он малый, а уже его обмануть трудно.

— В чем дело? — спрашивает дедушку приятель.

— Да, видишь, — говорит дедушка, — я ему как-то сказал, что турки да бусурмане нападали с захода солнца, а вот когда ему показал эти заросшие земляные валы, то он меня тут же и подпек.

— Да как же это так? — рассмеялся тот, поглядывая на меня с улыбкой.

— Да вот как, — говорит дедушка. — Он меня то теперь спрашивает: почему, мол, ты мне говорил,

что турки да бусурмане приходили с захода солнца, а эти валы земляные стоят с севера и с востока?

— Ну, а ты ему что сказал?

— Да што жа ему было сказать. Вить то было некуда. Нужно было всю правду сказать, — ответил дедушка своему другу.

— Ты бы ему сказал, что, мол, это казаки строили не от турка да бусурмана, а от росейских людей. Да и нужно им, молодым, побольше рассказывать, чтобы они знали, что такое казак. А то што жа, если мы им не будем рассказывать о Казачестве, то они и не будут знать, что такое казаки. Ведь посуди, Епиша, были же у нас свои Атаманы, когда то жили казаки и никому не подчинялись. Говорят, было хорошо и вольно. А вот теперь посмотри: присылают нам русского генерала в Атаманы, а он не только не умеет атаманить у нас, на Дону, а даже не умеет ездить на казачьем седле и боится казачьего коня. Видал же вчера как наш наказной возле собора сажился на коня? Один казак держит за уздечку, а другой его подсаживает. Рази это Атаман? Да што и всего Дону! Просто было стыдно смотреть, как он сажился. Да што и говорить: раз не казак, то и толку с такого Атамана мало. Эх, где наши былые вольные времена?

Затем старик обращается ко мне и говорит:

— Смотри, внучек, будь казаком. Будь такой, как твой дедушка...

Оба старика переглянулись меж собой, улыбаясь. Я дал слово, что буду казаком и буду таким, как мой дедушка.

— Вот молодец, — говорит старик. — Можешь ты спать хочешь?

— Нет, — отвечаю.

Да и какой там был сон, когда оба старика говорили о казаках, а мне этого и хотелось, чтобы больше узнать и потом, по приходе домой, рассказать своим друзьям, что я видел и что слышал в старом городе.

На другой день дедушкин друг запрет пару вороных коней и отвез нас до кривянского юрта. Здесь мы простились со стариком и он вернулся в станицу, а мы с дедушкой пошли своей дорогой домой.

В дороге мне хотелось все спросить у дедушки, есть ли дальше, за старым городом, казаки или нет; наконец, не вытерпел и спрашиваю:

— Дедушка, скажи мне, а кто же это живет дальше, за старым городом? Есть там казаки или нет? Ты нам дома говорил, что там когда то жили турки да бусурмане.

— Да, внучек, — говорит дедушка, — когда то жили на казачьей земле турки да бусурмане, а теперь живут казаки.

— Донские казаки, дедушка?

— Да, внучек, донские. А вот там дальше есть еще казаки, кубанские и терские, — раз'ясняет мне дедушка.

— Дедушка, а какие же это кубанские, да терские казаки и в чем они ходят? Так же, как и донские, носят шаровары с лампасом, да сапоги и черные шапки с красным верхом?

— Да, — говорит дедушка, — шаровары широкие, но только без лампаса, а сапоги такие и шапки такие, как и у нас. И все это одни казаки и разницы между ними никакой нет и не может быть никогда.

— Ну, дедушка, как же ты говоришь мне, что все казаки одинаковые, кубанские и терские, разницы нету и никогда не должно быть...

— Тьфу, внучек, — перебивает меня нетерпеливо дедушка, — да дай же мне тебе сказать. Но вот, почему ты донской казак?

— Ну уже теперь меня не проведешь, по реке Дону...

— А если бы были сейчас сбок тебя такие же, как и ты казачата кубанские и терские, то они тоже сказали бы, что они кубанские или терские казаки по реке Кубани и Тереку.

— Ага, дедушка, теперь я тебя понял. Значит, есть еще река Кубань и Терек. И, значит, только и разницы меж нами, что по рекам, а между казаками нету никакой разницы?

— Да, внучек, разницы никакой не должно быть и казаки не должны делиться между собою, а все должны быть равные и жить вместе, и один одному

помогать в беде, и не слушать чужих людей. Тогда будет хорошо. А если будут слушать чужих людей, то будет плохо.

Пока мы с дедушкой разговаривали, солнышко уже близилось к заходу и мы опять уже недалеко от того кривянского старика, у которого, идя в старый город, ночевали. Старик нас уже заметил и вышел навстречу. Он знал, что ему дедушка что то принесет из старого города.

Когда подошли и поздоровались, то старик сразу обратился ко мне:

— Ну, как, казак, видел теперь старый город? Видел цепи Разина?

— Да, дедушка, — отвечаю, — видел все.

— Ну, вот, будь казаком и больше не нужно так делать, чтобы казаков заковывали в цепи, — сказал старик и повел нас к той будке, в которой мы спали первый раз.

Сели в будке вечером. Мой дедушка достал из сумки бутылку водки и несколько пачек табаку и отдал своему другу. Старик был доволен. За вечерей дедушка рассказал, как у казаков был парад и как Наказного Атамана ген. Максимовича подсаживали два казака на коня, смиренного, как теленок. Старик со смеху хватался за живот:

— И это Атаман называется? Я старый, — говорит, — но если бы меня допустили, я бы показал, как казаки ездят на конях. То, значит, не казак. Да и добра от таких Атаманов ждать казакам нечего.

Кончили вечерять и легли. Утром, после завтрака, двинулись дальше и к вечеру были дома. Дедушка принес гостинцев для моих меньших братьев, а я тоже.

На другой день я вышел на улицу, меня обступила станичная детвора и расспрашивала, как там, в старом городе, и какой он есть? Что я там видел?

— Видел много, — рассказываю сверстникам. — В соборе был. Цепи Степана Разина видел. Старинные казачьи крепости видел.

Казачата уселись вокруг меня и молча слушали мои городские новости. Их тоже интересовало казачье. Рассказ мой длился до тех пор, пока мама не позвала обедать.

После обеда я и два меньших брата пошли с дедушкой в сад собирать яблоки и груши, что понасыпались на землю.

Когда кончили эту работу, то попросили дедушку, чтобы он нам еще чтонибудь рассказал. Много дедушка говорил, а под конец сказал:

— Дорогие внуки, помните дедушкины слова: будьте казаками и не забывайте того, что я вам говорю. Ваш дедушка был на войнах и остался жив. Отец ваш тоже был в турецкой войне и тоже остался жив. Вам, внуки, может быть придется горько на

свете. Может придет то время, что вам придется бежать в чужую страну.

— Как же мы покинем Дон, — спрашиваем дедушку, — и свой курень?

— Да, внуки, подростете, — все узнаете. Казаки многие уйдут в чужие страны, а тех, кто останется, будут мучить, казнить, в Сибирь посылать. Но все это, внуки, будет недолго. Из-за гор, из-за морей, из далеких чужих стран придет Черный Атаман, на черном коне, а за ним черная сотня казаков. И присоединятся к ним те казаки, которые останутся в живых от мук нечистого духа, и пройдут они всю вселенную и освободят все Казачество. И вот тогда то казаки заживут снова сами себе и больше никогда своего никому не отдадут.

И в конце своего слова сказал:

— Дорогие внуки, мое вам дедовское завещание: будьте казаками и не поддавайтесь на обман чужих.

— Дедушка, откуда ты знаешь, что так будет? — спросили мы дедушку.

— Так говорится в Божьем писании...

И теперь я вижу, что дедушкино одно предсказание исполнилось:

Сбылось предсказание о том, что казаки покинут свой край и уйдут за горы, за леса, за моря, в чужие дальние страны.

Сбылось предсказание и о том, что те казаки, которые останутся там, будут подвергаться казням и мукам и многие из них умрут, замученные нечистым духом.

Теперь мы видим, как на наших глазах московские красные палачи уничтожают станицу за станицей. Казнят, мучат голодом и холодом, ссылают на Соловки и в другие места.

Тогда словам дедушки я как то не придавал значения и думал, что он шутит над нами, но теперь вижу, что все дедушкины слова исполнились.

Сбудется и другое дедушкино слово: если не будут казаки между собою делиться и ругаться, а будут стоять один за всех и все за одного, тогда никто казаков во веки не победит. А если будут меж собой делиться и ругаться, поддадутся на обман чужих, то от этого ничего казакам хорошего не будет, ибо чужой, под шумок, пока казаки будут меж собой делиться и неладить, придет и все заберет.

Верю я и в последнее дедушкино предсказание, что придет Черный Атаман, на черном коне, с черною сотнею и освободит Казачий Край от мук вечных красного сатаны. И заживут тогда казаки сами себе и тогда ничего уже больше своего не дадут никому.

Верю в грядущее освобождение Казачества и верю в светлое будущее Казачьего Государства Казакии. Слава Казачеству!

В. К. торжества в г. Лионе 9 и 10 октября

(Окончание).

В воскресенье, 10-го октября, в два часа дня имел место обед, устроенный Союзом ВК в ознаменование старинного всеказачьего праздника Покрова Пресвятыя Богородицы.

На войсковом обеде присутствовало 97 казаков и казачек разных Войск (донцы, кубанцы, терцы, уральцы, астраханцы). Председательствовал окружной атаман А. К. Ленивов.

Окружной атаман огласил приветственные телеграммы, почтограммы и письма с поздравлением по случаю ВК торжеств в г. Лионе, а именно: от окружного атамана и окружного правления ВК в Югославии, Польше, Румынии, Болгарии, а так же многих ВК станиц и хуторов.

Бурными аплодисментами было покрыто чтение списка телеграмм и писем и в этот момент, как никогда, чувствовалось, что все казачьи патриоты действительно идут «локоть-о-локоть, стремя-о-стремья», к достижению поставленной казачьей идеи.

Открыв обед, окружной атаман поздравил Походного Атамана ВК и всех собравшихся казачек и казаков с высочайшим торжественным праздником всего казачества — днем Покрова Пресвятыя Богородицы.

Вслед за этим, Походный Атаман в пространной речи указал, что, празднуя торжественные дни, не стоит забывать и о серых буднях, а именно о том, что все Казачество ныне переживает страдное, грозное время. В соответствии с этим, казачьей эмиграции, имеющей возможность свободно мыслить, надо работать не покладая рук над освобождением Казачества, надо готовиться к борьбе за казачью государственную независимость.

Речь Походного Атамана была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами.

Ген. Коноводов прочитал пространный доклад, в коем коснулся наболевших злободневных тем, а именно: поведения «русских казаков», во главе с их водителями, и рассмотрение тех идеалов, во имя которых борятся казачьи патриоты.

Речь ген. Коноводова произвела сильное впечатление. В равной степени, как и Походный Атаман, ген. И. Н. Коноводов стал предметом оваций со стороны казаков, по окончании своей речи.

Полк. Ф. О. Шевырев сказал короткое, но сильное слово, подчеркнув, что если придется когда либо ка-

закам вновь воевать, то лучше погибнуть за свои курени, чем за чужие храмины. (Аплодисменты).

Слово Головы Украинской громады п. **Гусака**:

Приношу свое сердечное спасибо Походному Отаманові, ген. Коноводову, окр. отаманові, Управі Вільного Козацтва та всім вільним козакам за ту приязнь, яка висловлена була нам, українцям, тут устами Походного Отамана. Мушу зазначити, що як у нас, українців, так і вільних козаків **мета одна**. Козаки борються за незалежність свого Краю, як і українці — за незалежність своєї батьківщини, тому — до цієї мети ми мусимо йти одним шляхом, в добрі згоді, та тримати міцний союз проти спільного нашого ворога.

Пригадую собі слова із доклада п. ген. Коноводова: «Катерина, вража мати...».

Сумні для нас, українців, слова. Плакали в ті часи Запорожці, плакав з ними тоді і увесь український нарід, але разом з тим плакали і козаки Дону та інші, утративши свої вольності, за які клали свої голови та рясно кропили безмежні простори свої своєю і чужою кров'ю.

Сьогодні козаки, святкуючи 300-тя перемоги під Азовом згадують своїх героїв. Ми, українці, разом з вами низько схиляємо свої голови перед пам'яттю тих, хто своєю завзятістю показали, що не в кількості сила, а в єдності та непереможній волі йти до раз наміченої мети. Тоді козаки, Донці та Запорожці, поставили собі девіз: або померти усім, або добути свого. І вони свого досягли. І я вірю в те, що в майбутньому нашому змаганню вільні козаки та ми, українці, будемо проводити боротьбу за визволення наших країн **спільно**, щоб не було того дроблення сил, яке ми бачили в минулому, коли кожний з окрема боронив свої вольності і свій край. Наше роз'єднання було на-руку лише нашим ворогам.

Нехай же сьогоднішній день, день історичний, день боротьби наших предків, буде запорукою того, що і ми найдемо спільну мову, яку знайшли -триста років тому назад наші прапращіди, і завжди в наших змаганнях до визволення будемо йти рука в руку і з тим же девізом: «або померти, або здобути»...

Не забувайте ще й того, що сьогодні всі, зібрані тут, вільно улаштовують пам'ять своїх героїв, а там, далеко, наші матері, батьки, сестри й брати щей до сьогодні стогнуть у ярми червоного окупанта. Вони святкують це свято, але тільки в душі, бо святкувати вільно, як це робимо ми, не можуть...

Нашим завданням, нашою святою метою мусить бути завжди — визволити нашу країну, разом з нашими рідними, з неволі і рабства. **Ворог у нас один, а тому і ми мусимо з'єднати наші сили і уперто йти до здійснення нашого ідеала і закінчити незавершене.** (Міцні, гучні оплески).

Інженер **Блудов** (терський казак), підкреснувши своє уваження к ідеї ВК, виразив тверду впевненість в тому, що вольные казаки добьются осуществления своих идеалов и будут лицезреть дело своих рук — Казакію — еще своими собственными глазами. (Аплодисменты).

Полковник Украинской армии **Б. Ф. Чмилъ** на укр. языке сказал в. казакам теплое, прочувствованное слово, передать которое коротко можно так:

Братья казаки — п. Походный Атаман, п. окружной атаман, все вы, казачьи старшины и казаки, присутствующие на настоящем празднестве **сприного** казачьего свята — Покров Пресвятыи Богородицы, — приветствую вас, провозглашая свое украинское: **Слава!** (Аплодисменты).

Наблюдая с давних пор развитие казачьего национального движения, с радостью отмечаю, что действительно теперь казаки поистине находятся на своем настоящем казачьем национальном шляху! (Аплодисменты).

Не лгая, скажу, что колоссальную работу проводит ваш выборный Походный Атаман и его помощники. Честь и слава им! (Аплодисменты).

Мы, украинцы, знаем и умеем бороться за самостоятельность Украины. Знаю и вижу, что казаки так же знают и умеют бороться за свою самостоятельность. Таким образом, **наши пути сходятся**. Поднимаю тост за братское единение двух народов — украинского и казачьего — против общего врага! Слава Украине! Слава Казакіи!

(Бурная овация. Походный Атаман и полк. Чмилъ обмениваются рукопожатием).

В этот момент несколько т. н. «русских казаков» просят разрешения присутствовать на «войсковом обеде», что им и было разрешено. Видимо, наша обстановка действовала на означенных казаков, ибо один из них, а именно Астраханского Войска казак **Трухметов**, подойдя к Походному Атаману ВК, крепко пожал ему руку и горячо благодарил его за работу на освобождение Казачества.

Вслед за этим зала огласилась пением: «Ты, Кубань, ты, наша Родина». Все казаки и казачки поднялись; над Походным Атаманом В. К. был развешен большой флаг с гербом Казакіи... Медленным шагом вошли в залу окружной атаман **А. К. Ленинов** и окружной казначей **Е. Л. Шаншиев**, несший на серебряном блюде — кубанскую шашку, тесьму и кобур с револьверным шнуром.

Сестры и братья казаки! прорезал тишину голос окружного атамана, — ныне — торжественный момент, ибо ВК Округ во Франции в ознаменование 50-летия со дня рождения нашего Походного Атамана, **уполномочил меня поднести настоящее казачье оружие нашему избраннику**.

«Дорогой Игнат Архипович!» — говорил далее окружной атаман, — «**трудная задача стоит перед Вами — освобождение и создание Казакіи, но помните, что на этом страдном пути Вы не одиноки, за Вами, не отставая, следуют казачьи патриоты, фанатично преданные идее освобождения великой Казакіи!** (Бурные аплодисменты).

Делая Вам подарок, угодный казачьему сердцу, Округ уполномочил меня заверить Вас, что **вольные казаки последуют за своим выборным Походным Атаманом — в огонь и воду!!!** (Бурная овация Походному Атаману).

Для нас, казачьих националистов, **нет никаких сомнений в том, что мы победим** (крики: «Слава Казакіи!»), **вопрос лишь во времени... Выбор того, кто должен нас вести в бой за освобождение и возрождение многострадального Казачьего Народа, нами сделан давно, это тот, кто никогда не прекращал бороться за великий идеал независимости Казачества, это сподвижник великих казачьих патриотов — Рябовола и Кулабухова...**

Походный Атаман, явно взволнованный поднесенным ему подарком, так начинает свое слово:

Меня глубоко трогает ваш подарок и я хорошо понимаю его символическое значение. Не собираюсь говорить сейчас длинных речей — я говорю их уже много лет, говорю и работаю, работаю и говорю все об одном — о казачьем политическом идеале, о казачьей национальной программе, о казачьей цели казачьей борьбы И буду работать и говорить, говорить и работать до тех пор, пока все казаки (показывая на казаков не вольных, сидящих в стороне зрительями) не будут здесь (показывая на вольных казаков), не будут вместе. Не перестану работать и говорить до тех пор, пока мы не увидим своей обетованной земли, пока все мы не будем праздновать своих праздников на своей казачьей освобожденной земле, пока...

(Казакіи срываются с мест, не дают Атаману окончить своего слова, подхватывают его на руки...).

Когда «страсти» улегаются снова берет слово окружной атаман:

Путь к освобождению Казачества не **усеян розами**, много **терний** лежит на нем. Обращаю внимание казаков, что параллельно с нашей работой ведется работа и т. н. «опозиции»... Карты последней ныне **раскрыты** и мы видим, как на наших глазах происходит попытка **предательства** казачьих интересов. Однако «работа» эта уже **не страшна, ибо Казачество ныне получило и политическое воспитание...** (Аплодисменты). И потому — предоставим нашим противникам «вариться» — в своем собственном соку, а у нас есть много более важных дел!

Непрестанно и непрерывно растут ряды казачьих патриотов, ибо лозунг «Наш девиз — Казачья Воля, Казакія — наша цель» — не пустой звук!.. В данный момент, вы — казачки и казаки — видите в своей среде героев на поле брани — доблестного ген. И. Н. Коноводова и храбрейшего полк. Ф. О. Шевырева, ставших ныне со своими сподвижниками, боевыми

Гундоровцами, на В. К. Шлях. (Крики: Слава! — бурные аплодисменты).

Непрерывным долгом считаю подчеркнуть, продолжая окр. атаман, сплоченность, дисциплинированность, организованность и жертвенность **вольных казаков в Лионе, трудами и заботами своими устроивших настоящие торжества.** «Союз Вольных Казаков имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе» может гордиться тем, что имеет во главе столь энергичного председателя, как Никифор Николаевич Юров. (Крики «Слава», бурные аплодисменты). С своей стороны, подчеркиваю полезную и неутомимую деятельность моих ближайших помощников — окружного писаря — есаула **И. А. Кувикова** (по болезни не могшего быть на торжествах) и окружного казначея — подхорунжего **Е. Л. Шаншиева.** (Крики «Слава», бурные аплодисменты).

Сердечно благодарю вольных казаков г. Крезю во главе с своими неутомимыми и энергичными атаманом **М. Ф. Беловым** и пом. атамана **И. И. Гореловым,** сумевшими преодолеть все препятствия прибыть в г. Лион. В равной степени приношу благодарность вольным казакам г. Г. Бельфора, Пеажы, Бадажа, Дессина и Клермона, присланным депутации на торжества.

Да здравствует Казакия!

Речь окружного атамана была покрыта бурной овацией...

Далее следовала речь **Н. Н. Юрова** — председателя «Союза Вольных Казаков имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе».

Сестры казачки, братья казаки, все что надо, сказал наш окружной атаман, мне остается лишь добавить несколько слов!...

Мы, простые казаки, имеем один дар, который отсутствует у нашей старшины, а именно: своей казачьей совестью и сердцем мы **всегда чувствуем, где правда, а где кривда!**

Сколько есть силы в моей груди, я кричу: **Слава! Походному Атаману, борящемуся за национальные интересы всего Казачества, за интересы всех казаков...**

Слава и нашим боевым героям ген. **И. Н. Коноводу** и полк. **Ф. О. Шевыреву** — **понявшим чаяния казачьей души и честно подошедшим к нам... Воистину смею повторить слова нашего окружного атамана, мы, простые казаки, чувствуем ныне «локоть-о-локоть», «стремля-о-стремля», как организуются стальные лавы Вольного Казачества к решительной схватке с врагом.**

Сказав все, что накопило в моей груди, свой бокал вина поднимаю ввысь и провозглашаю тост за здоровье и преуспевание всех тех, кто составляет «ты» казачьих патриотов: **я пью за здоровье всех казаков, во главе с супругой Походного Атамана Анной Алексеевной Билой!** (Бурная овация).

Ген. **И. Н. Коноводов,** сдерживая с трудом свое волнение, благодарит всех казаков и казачек за внимание и симпатию:

Будьте тверды в том, что вы исповедуете; помните неизменно казачий «Символ Веры» — любовь Казачества к свободе и независимости...

Вы не одни в своей борьбе за счастье и свободу Казачьего Народа, тронулась и казачья старшина. Если сегодня среди вас ее еще мало, то «завтра» придут в стан **В. К. Многие и очень многие** из числа тех, которые еще сегодня блуждают среди двух дорог **да трех сосен.**

Слава Казакии!

Слава вам — казачьи патриоты — братья вольные казаки и сестры вольные казачки!!!

(Бурная, продолжительная овация, все — встают).

Полк. **Ф. О. Шевырев:** Становятся и станичники, не говорю я на собраниях и на банкетах. Судьба — **приучила меня «ораторствовать» в боях и сражениях.** (Бурная овация, все встают... Походный Атаман и окружной атаман жмут руку полк. Шевыреву).

Став сегодня с вами рядом, зову вас верить в то, что все, кто казак душой и телом, рано или поздно будут в рядах **В. К. Сказается казачий патриотизм, «заноет» казачье нутро, засосет у казаков и под ложечкой.** (Аплодисменты).

Да будет благословен тот час, когда мы, нынешнее казачье поколение, на долю которого выпало

столь много испытаний, отпустив узду своим коням, влетим на бешеном карьере в столицу освобожденной Казакии!

Слава, Слава и Слава всем Атаманам и казакам-молодцам, борющимся за освобождение Казачества! ((Бурные аплодисменты, крики: «слава!»).

Под'есаул Е. Н. Кадыков: Пока я не вольный казак, но почитаю своим долгом выступить в собрании казачьих националистов, чтобы сказать, как личное мое, так и всей моей многочисленной семьи «сердечное спасибо» глубокоуважаемому окружному атаману **А. К. Ленинову.**

Несколько месяцев тому назад, меня арестовали и посадили в тюрьму — по **оговору злых людей.** И в тот момент, когда я сидел в тюрьме, представьте мое удивление — **один единственный человек пришел ко мне на помощь, это был мой политический противник на казачьем поприще, а ныне мой и всей моей семьи друг — окружной атаман А. К. Ленинов.**

В момент, когда от меня отвернулись все те, в кого я верил, он добился своей энергией моего освобождения из тюрьмы, возвратив мне мое чистое имя и вернув семье — главу.

Низко кланяюсь ему, а вам, казаки, скажу: да, именно здесь, на **В. К. шляху** собираются крепкие духом казачьи патриоты.

(Бурные аплодисменты).

Сотник В. С. Крыштопа: Скажу свое прямое и твердое слово!.. Жив еще дух казачий, не ослабла казачья сила, не гнутся казачьи головы. Наш Походный Атаман видит и наблюдает своих соратников, а потому — **ждем твоего приказания, Батько-Атаман, скажи и свое слово и мы ринемся в бой во имя Казакии!.** (Бурные аплодисменты).

Походный Атаман В. К. Празднуя старинный праздник Покрова Пресвятыя Богородицы, мы, казачьи националисты, воистину воскрешаем казачьи Волю и Вольность... Правда, кое-где еще «русские казаки» празднуют т. н. «войсковые праздники», но таких все меньше и меньше. Так будет и со всей ВК программой — постепенно примут ее все казаки...

Точно предсказать будущее мы не можем, но предвидеть кое-что обязаны. И я не ошибусь, если скажу сегодня здесь, что **большие и серьезные события не за горами.** Все вы сами читаете газеты и знаете, что и как разыгрывается сейчас в большом свете, а потому будьте готовы к тому, чего вы все ожидаете.

С искренним удовольствием выслушав речи наших братьев украинцев, еще раз говорю, что для борьбы с общим нашим врагом нам **надлежит объединиться.** Противника надо бить твердым, мощным кулаком, а не растопыренными пальцами, как мы делали это в прошлом.

Единение украинцев и казаков в надвигающейся борьбе за освобождение своих родных земель — залог успеха и победы их обоих. Да будет так!

(Аплодисменты и крики «Слава»).

Присматриваясь внимательно к тому, что представляет собой сейчас казачья эмиграция, могу смело отметить непрерывное увеличение рядов казачьих патриотов, в противовес заметно уменьшающемуся числу т. н. «русских казаков». Что касается казачьей старшины, то и здесь нельзя сегодня уже мешать всех в одну кучу, ибо если сегодня они еще не с нами, то завтра некоторые будут с нами наверняка. Живой пример тому — перед вами. (Бурные аплодисменты).

Вспоминая героическую борьбу казаков с турками за Азов, говоря о знаменитом Азовском Сидении, **не будем забывать и нашего современного казачьего «сидения», продолжающегося уже 17 лет. Примеры наших знаменитых предков дают нам решение нашего вопроса: они уемли ходить ва-банк.**

Скоро придет время, когда и мы должны будем пойти ва-банк. Кто не рискует, тот не выигрывает. (Бурная овация).

Говоря о внешних врагах, нельзя забывать о т. н. «внутренних врагах». Нашлись в казачьей среде люди пыгавшиеся развалить **В. К. движение,** но, они уже «сорвались» (крики: правильно!).

...Два дня мы празднуем здесь большой казачий праздник большой казачьей семьей. Самым сердечным образом благодарю всех вольных казаков г. Лиона, положивших столь много труда и энергии на превращение своих желаний в действительность. (Аплодисменты).

Выражаю мою искреннюю благодарность гостеприимному «хозяину» — Никифору Николаевичу Юрову — председателю Союза Вольных Казаков имени Атамана С. Лаврентьева в г. Лионе. Слава Вольным Казакам г. Лиона. Слава их председателю ст. Юрову.

(Продолжительные аплодисменты, крики «Слава», казаки схватывают на руки Н. Н. Юрову и «качают»).

Свою особую благодарность выражаю Е. Л. Шаншиеву — окружному казначею, деятельность коего заслуживает одобрения и внимания. (казаки «качают» Е. Л. Шаншиева).

В каждом деле, в каждом начинании имеются инициаторы, застрельщики, руководители... В настоящем случае речь идет об окружном атамане, который является как раз главным руководителем настоящих торжеств.

Я хорошо знаю, какое колоссальное значение имеет национальный театр для пропаганды национального дела. Вы видели вчера историческую драму «Сын Дона» — казачью патристическую пьесу на сцене, разыгранную казаками, и сами почувствовали все значение, всю силу пропаганды живым словом. Вчера родился казачий национальный театр. И потому имена вчерашних артистов во главе с А. К. Ленивым войдут в казачью историю, как пионеры казачьего нацио-

нального театра. Слава Александру Константиновичу! (Походный Атаман целует его троекратно, а казаки устраивают бурную овацию и тоже «качают» А. К. Ленивого).

Счастлив свидетельствовать, заканчивает свою речь Походный Атаман, что в среде казачьих патриотов царит сильная спайка, бодрствует неугасимый дух и горит ярким светочем вера в окончательную победу казачьего дела. Это — залог успеха. Верьте, будет Казак, повстречаемся мы все на Монастырском урочище, где будем достойным образом чествовать Азовских героев в сослужении подлинного казачьего национального духовенства (продолжительные аплодисменты). Будем праздновать в Казакии — и день Покрова Пресвяты Богородицы... И останется тогда лишь тень мрачных воспоминаний о сегодняшних тяжелых днях казачьего «сидения» и здесь, в эмиграции — на чужбине, и там, по ту сторону рубежа — в Родных Краях.

Слава Казакии!

(Все казаки и казачки поднимаются и стоя устраивают бурную овацию Походному Атаману В. К., продолжаящуюся несколько минут).

Пением Донского гимна была закончена официальная часть дня. Но только поздним вечером закончился по настоящему праздник Покрова, когда, сопровождаемый криками Слава!, Походный Атаман с супругой и ген. И. Н. Коноводовым и полк. Ф. О. Шелыревым отбыли на вокзал. Разошлись, разошлись по домам и все вольные казаки, и все их гости.

(Соб. кор.).

Казачья эмиграция

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Напоминаю всем вольным казакам о том, что 10-го декабря сего года исполняется десятилетняя годовщина Вольно-Казачьего движения.

Подводя итоги тому, что сделано нами за истекший срок времени, будем впредь так же энергично и неустрашимо идти к нашей цели освобождения и возрождения Казакии.

В ознаменование этого знаменательного дня выхода в свет нашего национального журнала, предлагаю всем В. К. станицам и хуторам устроить торжественные собрания, где ознакомить слушателей с тем, что сделано за эти 10 лет.

2. Зачисляю в списки Округа: полк. И. К. Софронова, полк. П. Л. Бондарева, войск. старш. И. И. Сазонова, войск. старш. И. А. Аleshина, войск. старш. А. Г. Поевова, есаула Г. П. Рыбоконова, есаула О. И. Рокачева, есаула К. И. Дронова, есаула К. И. Каклюгина, сотника П. П. Чаусова, сотн. Г. К. Пращикова, хорун. А. И. Шепихина, вахм. И. И. Гордеева, подхор. И. А. Живолупова, подх. А. К. Бормонтова с 1-го ноября с. г.

3. Исключаю из списков Округа есаула А. Р. Збронского: члена В. К. станицы имени А. А. Кулабухова в г. Париже, умершего 26-го октября в Париже.

Преклоняюсь перед светлой памятью покойного, доблестного боевого офицера К. К. В., многократно раненого в боях с поработителями Казачьих Краев, отмечаю его непрерывную деятельность, направленную неизменно на благо Казачества!

4. Исключаю из списков Округа — из состава Каркассонской ВК станицы хор. Здеюка.

Основание: постановление ст. сбора от 31 мая с. г. 5. Принимаю в состав Округа В. К. станицу в Везин-Шалет (около Монтаржи), вынесшую на станичном сборе 20-го августа с. г. постановление: «всякую работу какай-бы то ни было оппозиции считаем предательством и всякое общение с оппозицией прекращаем».

Слава казакам, сумевшим разобраться в том, кто друг, а кто недруг для Казачества...

Правление В. К. станицы в Везин-Шалет в со-

ставе: атамана А. Демченко, пом. атамана — Забирко, и. д. казначея — В. Мокиенко, писарь — Вертий — утверждаю.

6. Правление В. К. хутора имени Б. Кундрюшкова в г. Пеаже в составе: атаман — Н. Н. Варваров, пом. атамана — Н. И. Сысоев, казначей — А. В. Пустошкин, переизбранное на последнем хуторском сборе, — утверждаю.

7. В должности Атамана В. К. хутора имени И. Назарова в г. Монтуа, утверждаю казака В. П. Полежаева — с 1-го октября с. г.

8. Отмечаю полезную деятельность атамана В. К. станицы имени А. И. Кулабухова в г. Париже — И. Плахова, выразившуюся в образовании станичной библиотеки и читальни.

9. Отмечаю полезную деятельность правления В. К. им. ген. Старикова станицы в г. Ромба, во главе с станичным атаманом хорунж. М. А. Ассерецковым, издающим казачий национальный журнал «На Заре» (издание непериодическое).

10. Благодарю за энергичную деятельность: подесаула И. С. Губина и весь состав правления В. К. станицы имени ген. Мамоштова в г. Каракассоне; сотн. А. Г. Дронова — и весь состав правления В. К. станицы имени Атамана К. Булавина в г. Туркуане, вахм. И. Т. Хрипушина и весь состав правления В. К. станицы имени А. И. Кулабухова в г. Тулузе, И. А. Тищенко и весь состав правления В. К. станицы имени Н. С. Рябовола в г. Бельфоре; М. Ф. Белова и весь состав правления В. К. станицы имени Атамана Каледина в г. Крезю; Н. Н. Юрова и весь состав правления Союза В. К. имени Атамана Лаврентьева в г. Лионе; И. Лысенкова и весь состав правления В. К. хутора имени Атамана И. Некрасова в г. Коломбелле; хорунж. К. Орлова и подхор. И. Алейникова в г. Труа, хорунж. В. Ф. Фролова — атамана В. К. хутора в г. Дессине.

11. Выражаю благодарность казакам: И. Салтавцу и Н. Печенову — членам В. К. хутора в г. Ланьи. В виде особого исключения, невзирая на их недавнее пребывание в рядах В. К. предоставляю им право ношения нагрудных бортовых знаков В. К.

12. В. К. группа джигитов имени К. Бардижа закончила турне и стала на зимние квартиры, как всегда, с честью и славой показывая иностранцам казачью удаль — под казачьим национальным флагом.

Объявляю благодарность шефу группы — под'есауду **Шепелю**, начальнику строевой части — сотнику **Сопильняку**, начальнику административно-хозяйственной части — инженеру **Усатову**, а равно всему личному составу.

Окружной Атаман **А. Ленивов**.

В РОМБА.

Праздник Покрова.

17-го октября вольноказачья имени ген. Т. М. Старикова станица в Ромба праздновала день Покрова Пресвятыя Богородицы. К этому дню станица пригласила к себе и Походного Атамана.

В субботу 16-го октября, в 1 час дня, на станцию Мец из Парижа прибыл Походный Атаман с супругой, где был встречен посланными от станицы: помощником станичного атамана **А. Шевченко** и станичным бунчужным **М. Калинин** и на автомобиле все вместе отправились в Ромба.

На квартире атамана станицы Походный Атаман «ВК» был встречен атаманом станицы и всеми членами правления.

В день Покрова оканчиваются полномочия станичного атамана и членов правления, а потому в этот день, в 5 часов дня, там же, на квартире атамана станицы, был назначен годичный сбор.

Уже в 4 часа начали приходить станичники. В 5 часов атаман станицы открыл сбор и предложил станичникам просить Походного Атамана принять звание почетного старика нашей станицы. Атаман любезно принял это звание и был занесен станичным писарем в списки членов станицы.

Затем атаман станицы в коротких словах изложил деятельность правления за истекший год и предоставил слово председателю ревизионной комиссии, который указал, что ревизионная комиссия, проверив дела правления, нашла работу станичного атамана и правления вполне удовлетворительной, что канцелярские дела ведутся в блестящем порядке, что в книге казначей за истекший год занесено в приходе 5060 франков и 10 сантимов, из них в расходе 4586 франков и 30 сантимов, что соответствует действительности, так как на все представлены оправдаельные документы, а остаток в сумме 473 франка и 80 сантимов имеется налицо у казначей станицы. Ревизионная комиссия предлагает выразить атаману станицы и членам правления благодарность.

Сбор выразил благодарность, после чего атаман станицы сложил свои, а также станичного правления полномочия и просил Походного Атамана, занять место председателя сбора. Секретарем избрали **И. С. Москалева**.

Походный Атаман сразу же приступил к выборам атамана станицы. Станичник **С. Поляков** внес предложение просить атамана станицы и членов правления остаться на новый срок в том же составе. Походный Атаман ставит предложение **С. Полякова** на голосование, которое и было принято единогласно. Так же единогласно было принято и предложение оставить и ревизионную комиссию в том же составе на новый срок. Таким образом, атаман станицы, члены правления и ревизионная комиссия в старом составе остались на новый срок.

Походный Атаман благодарит сбор за особое единодушие и выражает свое удовлетворение по поводу всей работы, проделанной станицей имени ген. Т. М. Старикова в Ромба, и выразил пожелание, чтобы мы с еще большей энергией продолжали свою работу, т. к. возможно, что придется удвоить — удесатерить напряжение, ибо Казачество еще в неволе и его освобождение во многом будет зависеть от нас — от той работы, какую мы проделаем.

Потом Походный Атаман предложил вновь избранным атаману станицы и членам правления занять места за столом президиума и продолжать сбор.

От лица правления атаман станицы благодарил станичников за доверие и обещал выполнить пожелание Походного Атамана об усилении деятельности в будущем году и просил станичников оказать ему в этом поддержку.

Затем была открыта станичная кружка, содержание которой ежемесячно пересылается на имя Поход-

ного Атамана в Фонд Спасения Казачества. После этого сбор был закрыт.

В это время в соседнем ресторане уже собирались гости: вольные казаки соседней станицы и ку- реня, украинцы и некоторые казаки, не состоящие в вольноказачьих организациях.

В просторном отдельном зале ресторана были накрыты столы для банкета в честь Походного Атамана «В.К.» На стене красиво развешены: большой герб Казакии, исполненный в красках, станичный значек, национальный флаг Казакии с вышитым малым гербом Казакии в верхнем углу к древку, станичный бунчук, булава атамана станицы, портреты: Походного Атамана, шефа станицы генерала Т. М. Старикова и казачьих героев мучеников **А. И. Кулабухова** и **К. Л. Бардижа**.

В 7 часов вечера все в сборе. Налево от входа, в одну шеренгу выстроились члены станицы, все в казачьей форме, направо — гости.

Открывается дверь, быстро входит станичный бунчужный и громко произносит: «Господа старики, атаманы молодцы — Атаман идет!» и становится в общий строй.

Входит Походный Атаман с супругой. Атаман станицы идет навстречу, салютует булавой и произносит краткое приветствие от лица всех присутствующих. Станичники поют гимны: Донской, Кубанский, Терский.

Умолкли звуки гимнов. Походному Атаману подносится хлеб-соль, а Атаманше красиво убранная корзинка живых цветов с небольшой пальмой посередине. Приняв хлеб-соль и познакомившись со всеми гостями, Походный Атаман с супругой занимают места за столом. Разсаживаются все.

Первый тост поднял атаман станицы за Походного Атамана. Слава Атаману! дружно подхватили все присутствующие.

Походный Атаман ответил тостом за хозяев — вольноказачью станицу имени ген. Т. М. Старикова:

Поднимались тосты за Казакию, за присутствующих гостей украинцев, за Украину и т. д. и т. д.

Давно уже собиралась наша станица выпустить свой журнал для местного распространения. Наконец, все было готово. Журнал отпечатан на пишущей машинке, назван «На Заре»... Выпуск первого номера приурочен ко дню Покрова.

После нескольких тостов, станичник **С. Поляков** (администратор журнала) взял лежавший в стороне большой пакет, развернул его и поднял над головой кипу журналов «На Заре»...

Подойдя к Походному Атаману, он произнес: «Атаман! С твоего благословения, разреши раздать присутствующим этот журнал! Это детище нашей станицы, новорожденный член вольноказачьей семьи. Все что мы смогли, все наши помыслы и стремления мы вложили в этого малыша, в надежде, что из малыша вырастет впоследствии взрослый, вполне серьезный журнал!».

— «Разрешаю и благословляю!» ответил Походный Атаман и, взяв первый журнал, сказал: «Казачья мысль не спит! Не умер казачий дух творчества! Мы видим только что вышедший в свет первый номер журнала «На Заре»... Это не смена нам — нет! Мы не настолько устарели, чтобы уходить на покой, это — прибавление семейства! И, подняв полную рюмку, продолжал: «Я уверен, что из этого новорожденного очень скоро разовьется вполне серьезный здоровый вольноказачий журнал. Весьма охотно поднимаю бокал за его процветание. Пожелаем ему полного успеха. Слава малышу «На Заре»!

Слава! Слава! был дружный ответ.

Много пожеланий было высказано журналу. Наконец затянули песню. Походный Атаман оказался любителем песен и все время пел с нами. Супруга Походного Атамана тоже из'явила желание спеть, но, к сожалению, у нас не нашлось аккомпаниатора и нам не удалось услышать пения **Анны Алексеевны**.

Появились: мандолина, гитара и балалайка, началась танцы. Лихо разделили лезгинку два вольные казака — терцы: **И. Веретеников** и **Д. Некрасов**.

Было далеко за полночь, когда мы разошлись на покой с тем, чтобы завтра сойтись снова.

На другой день, в воскресенье 17-октября, в 10 часов утра был назначен доклад Походного Атамана.

Походный Атаман в дружной семье вольных казаков и украинцев в Ромба.

Все казаки, как вольные, так и русские, живущие в Ромба и окрестностях, были заблаговременно оповещены о приезде к нам Походного Атамана и приглашены на доклад.

В 10 часов утра, в зал вошел Походный Атаман в сопровождении атамана станицы. Народу было много. Здесь были: атаман соседней вольноказачьей имени Евграфа Грузинова станицы — **А. С. Ивашков** с казаками, атаман соседнего Вольноказачьего имени Ивана Назарова куреня — **В. П. Полежаев** со своими казаками, представители украинских организаций, вольные казаки Ромба, жены и дети. Но «русские казаки» не пришли.

Походный Атаман выразил свое сожаление по поводу того, что ему не придется поговорить с «русскими казаками». В своем докладе он рассказал нам о том, что происходит в мире, что творится у казаков в Париже и во всей Франции, в каком положении казачий вопрос, на что нам можно надеяться, чего ожидать и к чему быть готовыми.

После Походного Атамана говорили некоторые вольные казаки и украинцы. Все говорили о Казачестве и об Украине, о своих желаниях и надеждах. В заключение Походный Атаман сказал несколько слов о союзе Казачества с Украиной, каков должен быть этот союз и что можно от него ожидать.

После этого атаман станицы закрыл собрание и пригласил всех присутствующих на станичный обед в честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

Все присутствующие, в числе 72 человек, приняли приглашение атамана и все отправились в зал того ресторана, где были вчера.

Перед обедом вышли во двор и сфотографировались. Заняли места за столом. Атаман станицы поздравил всех присутствующих с праздником Покрова. Станичник **С. Полков** предложил почтить память Азовских героев вставанием. Все встали.

Затем пошли тосты один за другим. После хо-

лодной закуски был подан обед, который затянулся до вечера.

В 6 часов вечера Походный Атаман должен был уезжать. Незаметно прошло время. Бунчужный — **М. Калинин** объявил: «Без десяти минут — 6, автомобиль подан».

Последняя стремленная и Походный Атаман с супругой начали прощаться. Станичники полхватали Атамана и на руках вынесли к автомобилю. Все вышли на улицу, окружили автомобиль, ухватились за колеса. Больших трудов стоило шоферу тронуться с места.

Провожать Походного Атамана на станцию Мец поехали: атаман станицы с супругой и атаман соседней станицы — **А. С. Ивашков**.

На станцию Мец прибыли за 10 минут до отхода поезда. Быстро нашли места, усадили Атамана с супругой, распрощались и вышли из вагона. В 6 часов 47 минут поезд тронулся, — увез дорогих гостей.

Провожавшие вернулись в Ромба. Здесь еще никто не расхотелся.

Войдя в зал, атаман станицы объявил: «Атамана проводили благополучно» и предложил всем выпить по бокалу за счастливый путь. Слава Атаману! был дружный ответ.

Только теперь начали расходиться. Приезжие поспешили на станцию, местные пошли провожать, семейные разошлись по домам и только холостяки продолжали веселиться до тех пор, пока хозяйка ресторана не заявила, что пора закрывать ресторан — уже 1 час ночи. Не было охоты, но пришлось покориться и разойтись. (Соб. кор.).

На беседе с графом Граббе.

Через неделю после Походного Атамана, 23-го октября, посетил наши края и граф Граббе. Есть у него здесь в г. Амневиле станица Добровольская.

В субботу 23-го октября, в 5 часов дня, в зале городского казино, состоялась его беседа с казаками. Пошли на беседу и вольные казаки из Ромба (не убоились гр. Граббе, как «русские казаки» Походного Атамана В. К.).

Начиная беседу, гр. Граббе заявил, что он не вступает ни в какие политические дебаты, что он пришел не спорить, а **повеселиться** с казаками — отпраздновать войсковой праздник.

После он все время жаловался, что русскую эмиграцию постигло большое горе: украли ген. Миллера; что должны были украсть его (гр. Граббе), но что он случайно избежал этой участи; что его ругают, особенно самостийники, благодаря чему он не может добиться объединения всех казаков и не может добыть кредитов, которые ему нужны для спасения Казачества, и что ему очень, очень тяжело...

Потом говорил атаман вольноказачьей станицы в Ромба **М. Ассерецков**. Он заявил: «Я, донец — самостийник, хочу сказать несколько слов и задать вам

вопрос». В кратких словах он обрисовал всю трагедию, переживаемую Казачеством, указав некоторые причины и спросил: «Что же оставалось делать? Очутившись заграницей, казаки начали искать выхода из создавшегося положения, искать причины трагедии, а атаманы советовали не заниматься политикой. Атаманы молчали, а казаки в поисках пути разбегались по различным русским политическим партиям и группировкам. Образовалась и казачья партия: Вольное Казачество. Молчали атаманы вот уже 17 лет и вполне понятно, что теперь вам очень трудно собрать и объединить Казаков. Вот Вы уже два года атаманы; скажите же нам: на что нам надеяться, к чему стремиться, чего ожидать, где наш правильный казачий путь, где выход из положения?».

И отвечает гр. Граббе: «я не пророк и не знаю, что будет в России. Я не мешаю никому заниматься политикой, пусть каждый исповедует какую хочет идею, но не трогайте и меня, не мешайте мне делать свое дело и я приведу вас на Тихий Дон. Вы, самостийники, обвиняете во многом Керенского, а я бы сказал, что так должно было быть и того, что должно случиться, — мы не минем...»

Поднимается вольный казак **С. Поляков** и говорит: «я так же, как и мой предшественник, донец и самостийник. Я тоже хочу задать Вам вопрос, но предварительно хочу сказать пару слов. Вы говорите, что мы обвиняем Керенского — нет! Мы обвиняем всю Россию!..»

После этих слов гр. Граббе резко восклицает: «Как? В моем присутствии оскорблять Россию?! Мою святыню! Я больше не могу! Председатель! Закрывайте собрание! Уходите!.. Уходите!..»

Все поспешили выйти. Вышли и вольные казаки. У стойки выпили по стакану пива и пошли домой. Больше там делать было нечего.

А в это время началось чествование гр. Граббе. В самый разгар банкета 68-ми летний старик казак кубанец **Н. В. Плетнев** обратился к гр. Граббе: «Скажите мне, Ваше Сиятельство, я человек неграмотный, по писанному не знаю. В Донском гимне есть слова: ...«И послушно отозвался на призыв Свободы Он»: Донскую свободу мы видели, пережили и ту свободу, которую дал Ленин. Ну, а на какую свободу призываете вы, Ваше Сиятельство?» — «Да эти слова вставил в гимн ген. Краснов», отвечал гр. Граббе — «на это не обращайтесь внимание».

Навернулись слезы на глазах старика Плетнева, он сел и умолк.

Уехал гр. Граббе. А через три недели на станичном сборе Добровольской станицы станичный атаманы, старик, донец Пятиизбянской станицы **П. Т. Гуреев** и старик кубанец **Н. В. Плетнев** ушли из станицы, заявив: «17 лет блуждали мы с вами по неведомым дорожкам, да, слава Богу, приехал гр. Граббе и указал нам казачий шлях, спасибо ему. Счастливо оставаться, а кто хочет с нами — милости просим».

Почаще бы гр. Граббе объезжал свои станицы и устраивал собеседования. Может быть, казаки скорее отыскали бы свой деловский Шлях.

Слава Казачеству!

Сообщил: **Н. К. Болдырев.**

В ПАРИЖЕ

Доклад ген. Коноводова.

14 ноября с. г. ВК имени А. И. Кулабухова станица устроила открытое собрание, на котором ген. Коноводов прочитал доклад, служивший ответом на письмо казаков (см. «ВК» № 228).

Собрание открывается помощ. атамана **М. М. Колесов**, который читает содержание письма, с которым казаки обращались к ген. Коноводову.

Затем слово было предоставлено ген. Коноводову.

Начинает он с того что «потребуется не двадцать лет «бескровной» революции, а века, чтобы дать миру действительно «богоносца». Сейчас в мире происходят события большой важности и на равнинах «святой Руси» никогда не будет мира. Значит нужно ковать то, что у нас есть.

Что же у нас есть, братья казаки? Жалкие остатки казачьего народа, которые нашли себе приют во всех странах и как бы с опустошенной душой и разбитым телом бродят в поисках казачьей правды, правды, и для себя и для тех, кто остался на казачьей степи. Так прошло 17 лет и сейчас вновь что то забурило, клокочет, вырывается наружу. Раздается крик любви к своим прекрасным далям, зовет уснувших казаков на борьбу за Степь, за реки Дон, Терек, Кубань, Волгу и Урал, за честь былую за наш Порог Казачий. Узнали лучше свой Порог и Угол только уже здесь, за границей, найдя исторические источники в пыли чужих архивов. Только теперь нашли родину, за которую еще в 948 году наши предки сражались с Мстиславом сыном Владимира «Святого». Теперь родилась чистая любовь, которая была утеряна нами за время пребывания «под высоким скипетром». Были у нас и чужие заветы: «За Веру, Царя и Отечество».

«Все казаки, почти поголовно воины, и всегда близко ощущали веру в Бога. Какова же была вера тех, в составе которых были и мы, казаки?»

Веру эту возглавляли Святейший Синод с Саблером, митрополитом Питиримом, Распутиным и много др... Нас, казаков, это не смущало и мы хранили присягу, данную перед Евангелием и Крестом.

«Нашу веру в Бога убивают все те русские — и там, и здесь. Здесь поделились представители церкви на множество течений, там тоже. И об этой вере остались одни только слова, хотя и кадят ладаном все время. Все вытеснили обряды и никакой веры, никакого Бога. Душа казачья от этого страдает, рвется в поисках единого Бога, казачьего Бога...»

«Последний русский царь кончил свою жизнь в подвалах Ипатьевского дома. Снята с нас, казаков, и данная ему присяга. И если страдаем теперь, то за грехи чужие...»

«Когда читаешь теперь в газетах, как те, кто был обласкан когда то царем, чтят теперь его память, то в душе поднимается презрение к этому бывшему царскому окружению. Хотелось бы, чтобы тот кнут, которым порол «богоносца» прошелся бы по оголенным плечам и бедрам этих сиятельных персон...»

«Спросим их: спасали ли они и спасут ли они свою родню? Любят ли они ее? Болит ли их душа и есть ли таковая? А ведь эта очаровательная компания правила Россией. Собирается она править ею и в будущем и, вместе с нашими Войсковыми Атаманами, создать единую, неделимую, новую Россию. Не хватает им только казаков на роли вестовых и лакеев...»

«Не горюйте, казаки, — иронически говорит докладчик, — найдется вам работа. «Атаманский Вестник» прямо пишет: «В толще русской эмиграции найдут себе казаки попутчиков, союзников и друзей... Знайте, казаки, что ваш Войсковой Атаман, символ вашего казачьего единства, всегда с вами (но где был он, когда Казачество умирало на родных полях?)... Локоть к локтю, стремя к стремени. Заиграют казачьи трубы поход и далеко отлетят от казачьих рядов эти господа (самостийники)»...

«Хочется спросить: был ли этот «вождь» в этих рядах? Нет! Он бежал из рядов императора, бежал он и от казачьих рядов, когда мы тонули в своей крови, защищая свою землю.

«А чтобы эти «вестовые» казаки не рассуждали и отвечали: «так точно», в следующем номере «АВ» говорится название одному из доблестнейших полковников Донского Войска: «Вы должны ему (Атаману) подчиняться и слушаться вождя донских казаков. Да когда же это было, чтобы донские казаки не слушались своего Атамана и кто ослушается своего Атамана, то тех ослушников казаки на сходе порол хворостом или «в куль и в воду».

«Вероятно, этот «адвокат» не знает, как поступали казаки со своим Атаманом, если он изменял во время боя. Такого Аамана били дубьем и волокли в воды.

«А современные? Новороссийской трагедии не смеет ничто. Стотысячное казачье войско топталось у берега. И если бы эти казаки увидели впереди себя Атамана, с перначем несущегося на врага, то неужели казаки не ринулись бы за ним? Ринулись бы освободить свои куруни и своих родных и близких.

«Следует обратить внимание на то, что из 30 ты-

саяч донцов, находящихся за границей, только пять тысяч принимали участие в голосовании при выборах Донского Атамана, а за теперешнего «вождя» донских казаков было подано всего 2200 голосов.

Что же будут делать «историк» и «адвокаты» из «АВ» с остальными, не принимавшими участия в голосовании? Конечно, по их понятию, нужно «пороть всех хворостиной», но только на это дело «хворостин» то не хватит.

Почему казаки молчат? (Не все молчат. Ред.)

Молчат эти казаки потому, что они обмануты уже раз своими Атаманами и не хотят заниматься постройкой новых или ремонтное строительство старых богов российских, а думают, я верю, думают спасти и возродить свое свободное единое казачье государство и с теми только Атаманами, которые не поощают своей жизни... Атаманы, которые цепляются за жалкую тесть ушедших дворцов и казенных квартир, которые рассуждают, совместно с русскими генералами, что «на мой век дураков хватит», такие атаманы казакам нужны. Становиться на колени в рабском унижении перед воображаемой новой Россией казаки не будут. Характеризовать кратко национально настроенную казачью мысль по отношению Великокоросии коротко можно так: «не зная к ней любви, мы не знаем к ней и ненависти». Краткая казачья программа заключается в нескольких словах: мы, казаки, чужого не берем, своего не отдадим. Связывать в дальнейшем свою судьбу с судьбой Великокоросии Казачество не намерено, ибо это будет значить запретить вольный казачий дух в душную казарму, служить удобением для людей для насыщения великороссов, обвить себя цепями, чтобы они казались «нежными объятиями матерей».

Перечисляется дальше кратко «политика» как царей, так и «диктаторов» по отношению казаков. Будет это, — говорит докладчик, до тех пор, пока масса великороссов не поймет, что дело совсем не в том, кто и как держит палку, а дело в самой палке...

«Казаки в перерождении не нуждаются. Широкие вольные казачьи степи, вольная песня, смех, бег коня в степи приучали казака к воле и уважению этой воли».

«Вот и теперь, когда после холода казаки ожидают теплого солнца, то Атаманы, вместо того, чтобы помочь своим младшим братьям пройти через лучи этого солнца, упорно цепляются за то, что теплилось вчера, а теперь угасло».

«Бедное Казачество! Падай на колени и проси и моли у новых казаков из «Ат. Вест.» заступничества перед «будущей национальной Россией», которую завтра создадут эти «атаманцы»...

«Атаманы» решили возродить новую Россию, а Казачество должно быть у нея в услужении... Докладчик цитирует выдержку из сов. газеты «Известия» о теперешней службе казаков в красной армии и находит полное тождество в желании русских людей здесь и там использовать казаков в своих целях.

«Не знаем мы, как воспитывается там молодое казачье поколение, но можем предположить, что теперь, в длинные осенние вечера, старые казаки рассказывают подростающему поколению о былом величии казачьего народа. Верно, говорят им так же, как и герой Шолохова, Афонька, ответил заехавшему агитатору, что «казаки от казаков ведутся»...

Несколько хуже и даже печально обстоит дело с молодыми казаками здесь. Докладчик говорит, что ему пришлось быть на одном собрании студентов казаков. Впечатление тяжелое. Тяжелое от того, что один из них, говоривший речь, старался подчеркнуть, что они вне политики. В голосе говорившего чувствовалась как бы боязнь чего-то, как бы боль и страх перед тем, что сидело против в «образе» Донского Атамана? Ведь бесконечность, дряблость отстраняет от цели, тогда как нужно проявлять доблесть, героизм, отвагу, присущие казачьей душе.

«Но виновато ли в этом молодое поколение? Нет оно не виновато*). Оно чисто, как лист белой бумаги, но нужно на этом листе писать о славе и доблести казачьей и бесконечной любви и жертве за Родную Степь».

А что слышат эти молодые казаки? Слышат споры, упреки, что проиграли свое дело, лишились родины, интриги, дрягги, мечты о дворцах, почестях, погоне, усваивают психологию старшин, их стояние на распутье, их отход от борьбы... И неужели это молодое поколение так и заявляет, как пустоцвет? По-теряет в душе самое прекрасное, самое звучное и захватывающее, весь смысл нашего бытия: Родимый Край Казачий?

Неужели старшее руссофильское поколение будет продолжать засорять души и тушить огонь в груди своих сынов?

Вольные казаки этого не делали и не сделают, но казаки из «Ат. Вест.» делали и делают. Они даже на праздник чествования 300 летия взятия Азова пригласили двух русских лекторов, которые, как бы смакуя, неоднократно подчеркивали, что казаки были русские холопы...

Эх, Атаманы, вы действительно довели Казачество до полного холопства (не всех. Ред.). Если у вас не было и нет идеалов, то хотя юношество не калечьте, ибо оно останется без воли и идеала, а при настоящей обстановке не должно быть страха и боязни, а должно царствовать мужественное сердце.

«Произошли катастрофические перемены и душа казака охватывает поэзия борьбы за казачью славу, о которой говорят так много седые курганы на Степи Родной»...

Какие то мерещатся, как будто бы сны. Они оставляют в душе чувство, что бывшее когда то, сбывается опять. Зарытое в глубине веков вольные казаки должны достать и — делить и творить!

Мы должны бороться за свою землю и крепко стоять на ней без цепей, какой бы формы они ни были»...

После перерыва состоялась обмен мнений. Первым говорит ст. Матеосов. Он начинает с того, что он не принадлежит к тем казакам, которые обратились к ген. Коноводову с письмом, но содержание письма ему известно. Доклад ген. Коноводова он прослушал внимательно, но ответа на письмо казаков, конкретного ответа на конкретный вопрос не услышал. Ген. Коноводов говорил о прошлом. Но нас интересует больше будущее. Сейчас важно: что в будущем делать казакам? Какой дорогой идти? На это не было дано ответа.

Ген. Коноводов отвечает, что в заключительной части доклада он сказал о том, что следует бороться за свободное, вольное Казачество.

Говоривший затем донец Фомичев (Фомин?) вначале старается завести разговор с ген. Коноводовым, читать ему нотации, но собрание требует говорить по докладу и говорить собранию, а не докладчику.

Он заявляет, что со всем этим, что сказал докладчик он опоздал. Это нужно было говорить в 1917 году. Он не понимает, как это докладчик так очернил русскую историю... Сам Фомичев рассказывает, как в 1919 году из Америки была прислана группа русских офицеров в армию Колчака для организации борьбы против большевиков, а на самом деле эта группа работала на пользу большевиков. (Это, вероятно, было сказано, как пример светлой стороны русской истории? Е. Я.).

Поражает его злоба на русских людей и казачьих Атаманом, которые являются символом единства Казачества. Упоминает и о том, что не только русские были большевиками, но были ими и казаки: Миронов, Голубов и др.

Долго, но бестолково говорил ст. Фомичев. Закончил он призывом строить, совместно с русским народом, Россию.

*) От ред. А мы считаем, что виновато. В данном, ведь, случае речь идет не о маленьких детях, а о тридцати и тридцатипятилетних парижских студентах, «воспитанниках» покойного Донского Атамана Богаевского, которые до сих пор намерено уклоняются даже от того, чтобы познакомиться с казачьей национальной литературой. А кто они, это видно по их органу «Станица».

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Ген. **Коноводов** отвечает Фомичеву, что установ- ки, высказанные в докладе, совершенно ясны. Прере- кания просто излишни.

Так как во время выступления Фомичева подава- лись реплики по его адресу (и весьма не лестные), то Фомичев просит второй раз слово и говорит опять о том же. Самостийность — утопия и проч...

Донец **И. Г. Сафонов** заявляет, что он самостий- ник, но в срганизации не вступает, т.к. довольно ча- сто там происходят споры.

Рассказывает он дальше, что ген. Абрамов, в шта- бе которого он служил, никогда не станет защищать казачьего имени и казаков. Указывает, что Гундоров- цы совершенно правы в своих письмах. Говорит, что в штабе ген. Абрамова в Крыму было 4 офицера не казака и два казака, на которых и выезжали при всех трудностях. Когда же эвакуировались за границу, то, за сокращением штата, были уволены офицеры каза- ки, а не казаки остались.

Когда он, Сафонов, спросил у ген. Абрамова по- чему именно его, казака, отчисляют от штаба каза- чьего корпуса, то ген. Абрамов ответил: «Вы слиш- ком грамотный казак».

Второй раз берет слово ст. **Матеев**, который говорит, что уклонение от самостийности и работа с Россией ничего казакам не даст. Сохранить Каза- чество можно только на ВК Шляху или.. при абсо- лютной монархии. Но, монархии больше не будет... Мало говорить себе, что ты казак. Казаки бывали разные — Каледин и Подтелков, например. В слово казак надо вкладывать и казачье национальное со- держание, то содержание, которое проповедают воль- ные казаки.

А. И. Лебедин говорит о всех тех бедах, кото- рые причинили русские казакам, прибежавшие на ка- зацкие земли генералы после революции. Они боро- лись не с большевиками, а больше с Казачеством.

Е. М. Якименко говорит, что весьма часто прихо- дится слышать от наших противников, когда мы, воль- ные казаки, в печати или на собраниях говорим, о всех художествах русских большевиков, что и среди казаков были большевики. Все это верно и я думаю, что те, кто ставят нам, самостийникам, такой аргу- мент вполне отдают себе отчет в том, что они гово- рят. Хотят они сказать, что, мол, разницы нет.

Верно, что были и среди казаков большевики, по рассматривать это нужно иначе. В этом наша траге- дия, но это так. Не было единой казачьей дороги и в 1917 году часть казаков искала у русских красных решения казачьего вопроса, а другая часть... Войско- вые Атаманы — искали решения казачьего вопроса у русских белых. Прошлое показало, что ни там, ни там такого решения нет. Решение нашего вопроса только на нашей казачьей дороге и даже наилучшее реше- ние казачьего вопроса самими казаками все же будет лучшим, чем решение чужое.

Выступали и еще некоторые казаки. Говорили, с разрешения председателя, и с мест. Некоторые фа- милии не были названы.

Записал: **Е. Я.**

В ТРУА.

Праздник Покрова.

ВК хутор «Черный Всадник» праздновал старин- ный всеказачий праздник — Покров Пресвятыя Бо- городицы 24 октября.

Списавшись заблаговременно с о. **Галактионом Извариным**, мы его встретили утром на вокзале и от- правились в помещение, где было приготовлено все для того, чтобы совершить необходимые церковные службы.

О приезде священника и о праздновании старин- ного праздника были оповещены все казаки (и не со- стоящие в хуторе), а так же и украинцы. Все члены хутора присутствовали на панихиде и молебне. При- сутствовало человек десять украинцев, но ни одного «русского казака». Правда, под конец молебна зашло три человека в кафе, но, несмотря на то, что шла служба, шумели довольно громко, с явным намере- нием помешать богослужению. Но ни молящиеся, ни священник не обратили никакого внимания на подоб- ную демонстрацию.

Многолетие священник провозглашает вождям ВК и Украины. Дружное многолетие несется в ответ, ис- полняемое смешанным хором под управлением **Г. К. Алешикова**.

После службы, когда был убран наш походный иконостас, все заняли места, чтобы побеседовать с батюшкой по церковному вопросу.

Перед беседой, подх. **Алейников** просит разреше- ния священника и провозглашает тост за здоровье Походного Атамана ВК и всех борцов, кои борятся за Казачество, за создание независимого казачьего го- сударства.

Между прочим, «на стаканчик» были приглашены и те три «русских казака», кои вошли в кафе во вре- мя богослужения. Они не отказались, а вот помолить- ся о павших у них мужества не хватало, ибо «мо- сквич лотом на них рассерчает»...

Потом батюшка обратился с призывом ко всем присутствующим помочь ему создать походную цер- ков в г. Труа. Помочь в этом деле батюшке согласи- лись не только вольные казаки, но и украинцы, а также и казаки, не состоящие в рядах ВК. Тут же пообещали батюшке найти подходящее помещение под храм и сообщить ему, а он тогда уже может к нам приехать.

Спасибо о. Галактиону, что откликнулся на нашу просьбу, а так же спасибо ген. Коноводову, что пе- редал нашу просьбу батюшке.

Слава Казачеству!

Хуторской атаман: **К. Орлов**.

† А. Р. ЗБРОНСКИЙ.

В прошлом номере «ВК» было уже сообщено о смерти есаула **А. Р. Збронского**.

Покойный, казак ст. Некрасовской, родился 9-го августа 1885 года. Отец его — урядник Родион Гри- горьевич Збронский, мать — Евдокия Тарасовна, урожденная Чипенко.

Часть казаков, бывших на похоронах ес. А. Р. Збронского.

Первоначальное образование Збронский получил в станичной школе. Действительную службу служил в 1-ом Линейном полку. Урядником вернулся домой в 1910 году. В 1913 году командирован в конвой. Там, в Петрограде, выдержал экзамен за 4 класса реального училища, а потом, в 1917 году, командирован был во 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую и окончил в декабре того же года. Прибыв в распоряжение Штаба ККВ, 26 января 1918 года был назначен в отряд полк. Лисевичского.

В первом походе участвовал в составе 1-го Кубанского стрелкового полка и 1-го Корниловского конного полка. Был ранен.

После 2-го Кубанского похода был избран станичным атаманом в своей родной Некрасовской станице. Но уже в начале 1919 г. был назначен в 1-ю Кубанскую дивизию, во 2-й Запорожский полк, где получил в командование 5-ю сотню.

6-го мая 1919 г. был ранен в бою при атаке под ст. Великокняжеской. По выздоровлении, назначен был в 1-ю Кавк. дивизию, а потом — командиром 6-й сотни 2-го Куб. парт. полка. В декабре ранен под ст. Дыбальцево. По выздоровлении, в начале февраля 1920 г., назначен был начальником гарнизона станицы Некрасовской.

Будучи начальником гарнизона, сформировал Некрасовский отряд и влился с ним в Корниловский (Куб.) конный полк.

После катастрофы на Черноморском побережье выехал в Крым, где командовал 3-й сотней Корн. полка. 11-го августа 1920 г. был ранен под ст. Бриньковской, а 1-го октября под с. Грушевка.

Потом — Лемнос, Сербия...

Чин сотника А. Р. Збронский получил со старшинством с 21 апреля 1919 г. Чин есаула получил он в марте 1920 г. за боевые отличия. Имел и Георгия 4-й степени...

В 1924 г. переехал во Францию. Работал преимущественно простым рабочим на заводах. Принимал деятельное участие в парижской казачьей жизни. Был в состав Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы в Париже, а потом и ее станичным атаманом (три года)...

Порывистый, иногда резкий, Александр Родионович отличался высокой добпорядочностью, искренностью и честностью. Живой и подвижной, он всегда и везде на первое место ставил казачье. Эмигрантскую лямку тянул, но не примирился с ней до самой своей смерти. Умел постоять за себя, но в чужом «западном» мире страдал...

Летом н. г. вступил и формально в ряды ВК — в состав Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы.

Уже больным, но не смирившимся, веря в свое выздоровление, он неоднократно обещал мне, по своему выздоровлении привести в ВК ряды почти всех кубанцев в Париже. Строил планы своей службы большому Казачьему Делу в будущем...

Его самого, по его признанию, «затянуло» в ВК

все казачье. Это казачье, он собирался вдохнуть в душу всем тем казакам, которых знал лично.

К сожалению, кубанцев собрал он только на своей могиле...

Мир праху твоему, горячий казачий патриот!
И. Билый.

ВК в Бельгии

В БРЮССЕЛЕ.

Праздник Покрова.

24 октября вольные казаки отслужили панихиду по казакам и атаманам, павшим на поле брани при взятии Азова в 1637 году и в борьбе 1917-1920 г. г. за свободу и независимость Казачества. После этого отслужили молебен о здравии и благоденствии всего Казачества и о даровании ему успехов в борьбе за освобождение своей казачьей родины и государственную самостоятельность.

Панихиду и молебен служили в местной украинской церкви.

После церковной службы атаман вольных казаков в Бельгии есаул Г. К. Рудаков, на особо устроенном собрании казаков, украинцев и кавказцев, произнес речь о значении и особом почитании казаками праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, а также и о 300 летнем юбилее взятия казаками Азова. Была прочитана при этом статья А. Ленинова «Борьба за Азов» (из журнала «ВК»).

В 2 часа дня был устроен торжественный помпальный обед. Присутствовали: голова украинской громады п. Андриевский и представитель кавказцев полк. Цагурия.

На обеде вольным казакам были розданы бортовые значки ВК с предупреждением, что позже будут выданы, кому следует, соответствующие карточки-удостоверения на право ношения этих значков.

(Соб. кор.)

ВК в Германии

ДЖИГИТЫ ПОД ВК ЗНАМЯ.

Мы, казаки джигиты, решили создать В. К. Походный Хутор. А поэтому все единогласно избрали хуторским атаманом Дмитрия Фаддеевича Тырина и зовем всех наших братьев казаков в Германии к объединению!

Слава Казачеству!

Хуторской атаман Д. Ф. Тирин.

Помощник: А. Е. Попов.

Казначей: Т. З. Лозин.

Доверенные: П. П. Гордеев.

А. Л. Тирин.

ВК в Югославии

В ЛЮБЛЯНЕ.

17 октября Люблянский ВК имени Ермака Тимофеевича хутор праздновал старинный всеказачий праздник Покрова.

После обеда была отслужена панихида по погибшим Атаманам и казакам в борьбе за Казачью Свободу.

В два часа дня состоялся общий сбор, на котором атаманом хутора полк. **А. В. Ермаковым** был сделан обстоятельный доклад по вопросам международной политики.

В своем докладе полк Ермаков подчеркивал, что мир в настоящее время поделится на два фронта — национальный и интернациональный.

Интересы Казачества безусловно связаны с событиями настоящего времени, а потому докладчик остановился и на современных задачах Казачьего Народа.

Доклад был интересен и казаки выслушали своего атамана с большим удовольствием.

За скромным столом после доклада хуторяне провели время в беседе и пении казачьих песен.

Были провозглашены тосты за здоровье Е. К. В. Короля Петра II, Походного Атамана ВК, окружных атаманов и всех казаков.

(Соб. кор.).

В БОРЕ.

Праздник Покрова.

Борская ВК имени Н. С. Рябова станица старинный всеказачий праздник Покрова справляла в этом году вместе с другими казаками, по желанию последних. Совместно были отслужены — панихида по всем казакам, павшим за свободу Казачьего Народа, и молебен о здравии всех казаков и благополучном завершении национального пути к возрождению самостоятельного Казачества.

После службы все казаки выслушали поздравление от окружного атамана с праздников. Присутствовавшие здесь русские из НСНП, после прочитанного приветствия, обратились к казакам с вопросом: «Да это кто, самостийники?» — «Да, самостийники. Казаки все самостийники», — последовал ответ казаков.

В 3 часа дня состоялось общее собрание казаков, на котором присутствовал и представитель НСНП, Лазарев (русский).

К моменту открытия сбора приехал по распоряжению окр. атамана окр. контролер **К. А. Карнаухов**, встреченный казаками с большим радушием.

В своем докладе **К. А. Карнаухов** подробно изложил историю Казачьих В. Праздников, рассказал о значении в истории казачьего Народа праздника Покрова и, наконец, доложил о международной политической ситуации и указал на задачи Национального Казачества.

По окончании доклада Лазарев, уходя с собрания, обратился к казакам с ... которой, между прочим сказал:

— «Да, казаки, вы правы и если бы я был казак, то я еще больше гордился бы казачьей нацией. Идите и освобождайте свою Казачью, а я, русский, горжусь своею нацией и буду бороться за Россию».

Казачья беседа затянулась до 10 часов вечера. Казаки делились мнениями по казачьему вопросу, вспоминали страницы казачьей истории и только иногда, к случаю, раздавалась родная казачья песня — то полная грусти, то столь же полная казачьей удачи...

(Соб. кор.).

В республике Либанон

Чествование 300-летия Азовского сидения в Бейруте и праздник Покрова.

Для чествования Азовского сидения и празднования старинного казачьего праздника Покрова Пресвятыя Богородицы казаками, проживающими в Бейруте, был организован комитет.

Празднование состоялось 16 октября, в субботу. Присутствовало 20 казаков разных Войск. Перед со-

бранием, в храме св. Георгия была отслужена панихида по всем Атаманам и казакам, за веру и родину живот свой положившим.

В 8 часов вечера было открыто собрание под председательством **П. И. Медведева**, который предложил почтить вставанием и минутным молчанием память павших, а затем сказал вступительное слово по поводу 300-летнего юбилея взятия казаками Азова.

Затем **П. И. Кравченко** прочитал доклад об Азовской эпопее. Сказанное им вызвало интерес среди присутствующих и ему были заданы вопросы о более детальном освещении фактов.

П. И. Медведев сделал доклады на тему: «Азовское сидение» и «Происхождение Казачества».

Последний доклад вызвал большой интерес среди присутствующих и массу вопросов. Было решено собираться каждые две недели по субботам и устраивать лекции на тему о происхождении Казачества.

Чтение докладов закончилось в одиннадцать часов, после чего приступили к скромному ужину. Выпили здравицу за казачьих историков, писателей и хранителей нашей казачьей культуры.

Подхор. **М. А. Бабурин** декламировал стихи и закончил декламацию стихотворением «Два Атаманских выстрела» (К. Булавина и А. Каледина).

И. П. Ноевой (кубанец) рассказал о казни А. И. Кулабухова.

П. И. Кравченко сказал краткое слово о Запорожской Сечи.

Доклады и речи произвели на станичников хорошее впечатление и они заговорили: «да, это верно, что нашего брата притесняли, даже нашим героям не разрешали воздвигать памятников. То-то, ваньки! Россию вместе с царем продали, а в Париже двух генералов большевикам тоже уже продали...».

На празднике присутствовали казаки: **П. Медведев, П. Кравченко, М. Бабурин, И. Ноевой, И. Самофалов, А. Ермолаев, Г. Жеребцов, Д. Фирсов, Н. Филатов, Н. Сергеев, Л. Исаков, А. Жеребцов, А. Богданов, Н. Городецкий, С. Гульцев, Д. Платонов, А. Антонов, Н. Макаренко, С. Алиханов** и священник о. Амвросий Сорока.

Председатель комитета: **П. Медведев.**

Секретарь: **А. Ермолаев.**

В ДАМАСКЕ.

17 октября 1937 г. в г. Дамаске, Дамасским общеказачьим хутором была отслужена, с патриаршего благословения, в кафедральном соборе панихида об упокоении душ Атаманов и казаков, за веру и отечество живот свой положивших при взятии Азова и в борьбе по защите Родных Краев.

В тот же день на квартире хуторского атамана отслужен был молебен о здравии и многолетии всех казаков, закончившийся дружным «Многая лета».

Хутор присутствовал в полном составе, за исключением представителя «Донского Атамана», отсутствовавшего по неизвестной причине.

После молебна, атаманом хутора была предложена казакам чашка чаю. Была и чарка. Пели и танцевали. Веселье затянулось за полночь.

На другой день, 18 октября, хуторской атаман сопровождал казаков гостей, приехавших на праздник, по городу, показывая дамасскую старину и диковинки.

Дамасский общеказачий хутор имеет свое знамя, а атаману хутора недавно была поднесена насека.

Сообщил: **П. Медведев.**

ПОРТНОЙ

Ф. И. Агеев

8, rue Tiphain. Paris XV

Métro: La Motte-Picquet —

